

The background of the entire image is a painting of a woman with dark hair, wearing a black, possibly wet or shiny, dress. She is lying on her back on a floor made of large, irregular, light-brown tiles. Her hands are clasped near her face, and her legs are bent. The overall style is expressive and somewhat abstract, with visible brushstrokes and a dramatic lighting effect.

Алёна Бессонова

**ТЫ ТОЛЬКО
РУКУ
ПРОТЯНИ...**

Два детектива под одной обложкой

Алёна Бессонова

Ты только руку протяни... Два детектива под одной обложкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344753

ISBN 9785448576959

Аннотация

Детективы Алёны Бессоновой не просто описание и расследование кровавых, запутанных преступлений. В них нет особой жестокости. В них переплетение человеческих судеб. Каждая глава – это история чьей-то жизни, вплетённая в косу событий странных, загадочных. По большому счёту это истории о любви и о той цене, которую за неё каждый платит своей монетой. В сборник вошли ранее опубликованные романы «Не прикрывай открытых окон» и «Меня убил Лель».

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
НЕ ПРИКРЫВАЙ ОТКРЫТЫХ ОКОН	6
Часть первая. Резиденция	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	85
Глава 8	101
Глава 9	108
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Ты только руку протяни...

Два детектива под одной обложкой

Алёна Бессонова

Дизайнер обложки Василиса Бессонова

© Алёна Бессонова, 2022

© Василиса Бессонова, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-4485-7695-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

НЕ ПРИКРЫВАЙ ОТКРЫТЫХ ОКОН

Пока...

Иди, уже... тебя, наверно, ждут...

(строка из стихотворения

Ольги O'NEIL

Часть первая. Резиденция

Глава 1

Майор юстиции старший следователь Следственного комитета Михаил Юрьевич Исайчев возвращался из служебной командировки в родной город Сартов из холодного Санкт-Петербурга. Поездка проходила в рамках расследования сложного дела, и результаты, полученные в ходе командировки, требовали обдумывания. Доплатив личными деньгами сверх отпущенной бухгалтерией суммы за место в купе, Михаил приобрёл билет в спальный. Всё же, как ни крути, на два пассажира меньше. Эта арифметика увеличивала шанс Исайчева на покой и возможность если не подумывать, то хотя бы выспаться. Интерьер купе вызвал у Исайче-

ва ироническую улыбку. Он отличался от места в обычном вагоне отсутствием верхних полок, ярко-красными занавесками из потрёпанного временем велюра, а также заранее застеленными постелями, прикрытыми исстиранными пледами с шотландским орнаментом, то бишь в клеточку.

– Интересно, что сказала бы жена, увидев это великолепие? – спросил себя Исайчев и тут же ответил: – А сказала бы она следующее: «Не кочевряжься, Мцыри, и за это спасибо! Замечательно уже то, что ничьих ног не будет болтаться у твоего носа. Даст бог, повезёт с попутчиком, и будет у тебя время в тишине и покое под крепкий чай подумать о результатах командировки...» Исайчев часто мысленно обращался к своей половинке. Считал её своим камертоном, советчиком и просто умной женщиной с холодной рациональной головой одного из лучших в Сартове адвокатов. К кому же ещё, если не к ней?

Мцыри – прозвище, которое Михаил Юрьевич получил ещё в школе за подходящее имя и отчество, а также за упорный и стойкий характер. Ольге пришлось по душе прозвание мужа, и вот уже четвёртый год их совместной жизни они называют друг друга не иначе как Мцыри и Копилка. Копилка вовсе не оттого, что она скаредна и бережлива, а оттого что страстный нумизмат – коллекционер и в её карманах всегда позвякивают старинные и редкие монетки на случай подвернувшегося обмена ¹

До отхода поезда осталась всего одна минута, когда с дру-

гой стороны двери кто-то тихонько поскрёбся.

«Это ещё что такое? Неужто пьяный попутчик?!» – подумал Михаил, резко встал и рывком откинул дверь в сторону.

Перед ним стояла миловидная женщина в костюме фирмы MILD, предназначенном для туристических походов. На сгибе её левой руки висел небольшой рюкзак, а в другой руке она держала ручку жёсткого кофра для гитары.

– Бэмби! – первое, что пришло в голову Михаила при виде женщины на пороге купе. – Почему скребёмся? – вопросительно взглянув на попутчицу, улыбнулся Исайчев. – Вы здесь такая же хозяйка, как и я. Проходите смело. Располагайтесь. Хотите переодеться? Я могу выйти...

– Нет, нет! Не беспокойтесь, – спешно заговорила женщина. – Сейчас хочу минутку посидеть. Опаздывала. Бежала. Отдышусь чуть-чуть. Заодно и к попутчику присмотрюсь... Нам с вами в одном купе двадцать четыре часа ехать, посему давайте знакомится, – женщина протянула ухоженную руку с аккуратно постриженными ногтями, покрытыми лаком телесного цвета. – Вася.

– Вася? – удивился Михаил. – Судя по вашим глазам – вас родила инопланетянка?

Женщина присела на краешек полки:

– Моя мама, судя по тому, что увидев меня, вы прошептали имя Бэмби, вовсе не инопланетянка, а важенка – олениха, подруга оленя. Вы ведь сказали именно так, или я ошиблась?

– Да-а-а, – растерянно протянул Исайчев. – Я понял.

Не оригинален. Но по-другому никак нельзя, именно имя Бэмби – первое, что приходит в голову при виде вас. Извините... Женщину с такими глазами не могут звать Васей, вы Бэмби!

– Так, меня зовут почти все мои знакомые. Привыкла. Однако я Василиса, попросту Вася. А вы?

– Миша, Михаил Юрьевич...

– Не думаю, что в школе вас кликали Лермонтов, тогда значит... – попутчица на секунду умолкла, – Мцыри?

– Мать честная! – ещё больше удивился Исайчев, – вы провидец? Меня действительно так прозвали в школе, а сейчас так зовёт жена...

– На том и порешили: вы – Мцыри, я – Бэмби. Вероятность, что мы когда-нибудь ещё встретимся, ничтожна. Зачем нам имена?

– Совершенно с вами согласен. В дороге главное – хороший попутчик, улыбнулся Исайчев. – Мне, кажется, повезло. Судя по вашей одежде, вы собрались в туристический поход или возвращаетесь оттуда. Нет, всё же собрались...

– Этот вывод вы сделали, глядя на мою белую кожу? – снимая куртку, спросила Василиса. – После похода я была бы смуглее. Но вы не угадали. Я собралась не в поход, а навещать друзей. Сартов мой родной город. В дорогу привыкла надевать удобные и прочные вещи. Неизвестно, что может приключиться, а нарядные одежды у меня здесь, – и Василиса постучала ладошкой по рюкзаку.

– А гитара? – продолжил любопытничать Михаил.

– Гитара – это подарок. Вернее, подарок-талисман. Мы с ней не расстаёмся. С такой подругой путь короче.

– Споёте?!

– Чуть позже спою, – кивнула Василиса, – а сейчас закажите, пожалуйста, чай. На дворе время обеда, пожалуй, угощу вас пирожками собственного изготовления.

Михаил с готовностью пошёл выполнять просьбу попутчицы. Тем более что пирожки были кстати. Исайчев с утра оголодал. Гонял по делам и не успел позавтракать.

Подзаправившись пирожками и копчёной куриной ножкой со свежим огурцом, Михаил расслабленно, с благодушным выражением на лице привалился к мягкому валику на стенке купе.

Вечерело. Осень за окнами вагона заплакала, робко, а затем более настойчиво постучалась по стеклу дождевыми каплями и, не удостоившись внимания пассажиров, яростно взвыла, заулюлюкала ветром, бросила в стекло жёлтые потухшие беспомощные листья.

– Брр-р-р, какая погода! – сказал Михаил, пододвигая ближе к себе дребезжащий в подстаканнике стакан горячего чая. – Где-то ведь лето и солнце...

– Я знаю, где лето... – откликнулась Василиса, наводившая порядок на купейном столике.

– Я тоже знаю, но это далеко за границей и дорого. Жалко, что в странах СНГ нет в это время года тёплых морей.

И раньше не было...

– Было одно море... я на нем жила в детстве...

– Ну? И что за море? – удивился Михаил.

– Военная часть, в которой служил мой отец квартировалась на этом море, и море называлось Аральским – бирюзовое, бескрайнее, похожее на мираж. Это граница Казахстана и Узбекистана...

– Вот как? А подробнее...

Пока Василиса рассказывала, Михаил более пристально рассматривал собеседницу. Перед ним сидела небольшого роста, едва ли больше метра шестидесяти, миниатюрная женщина средних лет, может быть тридцати семи – сорока, а там бог их разберёт, этих женщин, может и больше... Русые, коротко постриженные волнистые волосы придавали ей крохотку мальчишеского задора. В её лице была изюминка, даже можно сказать урючинка, и этой изюминкой-урючинкой были *глаза*! Михаил в жизни видел много разных глаз. Некоторые приводили его в восторг, но у Василисы глаза были особенные – их нарисовала природа-художник: на славянском лице миндалевидные, с вытянутыми к вискам уголками, окаймлённые длинными, как на частой расчёске, ресницами, и с синими, не голубыми, а именно синими радужными оболочками вокруг зрачков. Сама радужная оболочка была настолько широкой и чистой, что Исайчев видел в ней отражение своего лица, и оно ему нравилось. Именно из-за глаз Исайчев не мог определить возраст женщины. Кожа ли-

ца свежая, без макияжа, ни морщинки, ни рытвинки, а глаза зрелые, искушённые.

«Не женщина – сон... Смотрел бы и смотрел... Интересно, как бы сейчас меня подковырнула Копилка, глядя, как я тут перья распустил? – усмехнулся своим мыслям Исайчев и тут же успокоил себя, – не стала бы она меня ковырять, сама бы любовалась...»

Ближе к вечернему чаю Михаил не выдержал и все же попросил попутчицу:

– Бэмби, извините, я опять-таки не оригинален, но по закону сцены, если появилось ружьё, оно должно выстрелить, я позволю себе слегка перефразировать – если появилась гитара, значит...

– Спою тихонько, – Василиса осторожно вынула инструмент из кофра, бережно обтёрла его мягкой тряпочкой из того же кофра. Отвернувшись к заплаканному окну, не перебирая струн, сразу взяла аккорд, запела глуховатым с трещинкой голосом:

Привет,

Ну, как ты? Всё дела? Опять дожди-и-и

Косыми лентами опутали аллеи.

Не прикрывай открытых окон, по-го-ди,

Смотри, как вечер тает, без вина хмелея...

Дверь в купе тихонько открылась, и в образовавшейся

щели показалась мужская голова, а секунду спустя ниже её – женская. Михаил приложил указательный палец к губам и глазами указал нежданным гостям на место рядом с собой. Василиса не заметила вновь прибывших:

Пока...

Иди, уже... тебя, наверно, ждут...

Забавно тает тень от лампы... Зябко... Скучно...

Бормочет тихо мне бессонница: «Я тут,

Сегодня будем мы с тобою не-раз-луч-ны...»

Василиса замолчала, обернулась на открытую дверь купе, в которой во всю её ширь стояла подбоченившись проводница и ещё несколько пассажиров, головы которых торчали из-под мышек и над плечами мощной сотрудницы Российских железных дорог. Проводница, не миндальничая, вошла, села рядом с Василисой:

– Ух, хорошо поёшь! Спой ещё, а я потом всех чаем напою. У меня хороший чай с мятой. Мятую сама выращиваю...

– Всем с мятой или только поющим? – поинтересовался белобрысый мужичок с весьма подвижным лицом. – Тот, что я пил час назад, был без мяты...

– Всех напою с мятой, – подмигнув, благосклонно промолвила проводница.

Весь вечер пассажиры беззастенчиво эксплуатировали Василису. Она пела одна и хором с пассажирами, прерыва-

ясь на чаепития, во время которых соседи приносили в купе домашнюю выпечку и сладости. Угощали её и Михаила. Все, кто не вмещался в купе, пристраивались в соседнем, слушали, не закрывая дверей. К удивлению, Михаила не раздражало многолюдье, а вовсе наоборот – он с охотой подпевал попутчице. Разошёлся народ только ближе к двум часам ночи. Утром, почти подъезжая к Сартову, Михаил поймал себя на мысли, что отдохнул и ничуть не жалеет, что не удалось в тишине подумать о результатах командировки. Благостную мысль прервал звонок встрепенувшегося сотового телефона Михаила, на дисплее показалась фото сурового мужчины в форме полковника юстиции:

– Приветствую вас, Владимир Львович... Да, еду в поезде... буду через три часа... Быстрее не получится... И домой не заезжать? А помыться? Так вы только шею намылите, а я хотел бы весь... Хорошо! Мне сразу в резиденцию или сначала к вам? Есть! Кто со мной? Капитан Роман Васенко? Хорошо! Эксперт? Галка Долженко? Отлично! Прошу прощения, подполковник Галина Николаевна Долженко... Понял вас... До встречи...

* * *

Поезд медленно подходил к перрону, в тамбуре и рядом с купе проводников столпились пассажиры. Они нетерпеливо топтались на месте, вытягивали шеи в надежде увидеть в окнах встречающих. Исайчев и Василиса стояли рядом с дверью своего купе. Михаил держал в одной руке соб-

ственный чемоданчик и рюкзак Василисы. Свободной рукой он легонько коснулся локтя Василисы:

– Спасибо, Бэмби, за компанию. Было приятно... Я бы на месте вашего мужа не отпускал вас одну, да ещё с гитарой...

– У меня нет мужа, – обронила Василиса.

– Ну, на месте вашего друга... не поверю, что у вас нет друга...

Василиса осторожно высвободила руку и взялась за лямки своего рюкзака:

– Давайте я сама, он не тяжёлый. В нем вещей немного. Я приехала сюда всего на три дня. По поводу моего друга... он отпустил меня много лет тому назад... – она неожиданно дерзко вскинула брови, – он меня отпустил, а я его нет!

Поезд остановился, вздрогнул и затих, проводница загремела дверью вагона, и пассажиры энергично пошли на выход:

– Удачи вам, Мцыри! Даст бог, свидимся... – Василиса спрыгнула с подножки вагона, помахала рукой Исайчеву и, скинув рюкзак на плечо, быстро пошла по перрону. Михаилу нужно было в другую сторону.

«Прощайте, Бэмби, – подумал Исайчев, глядя вслед удаляющейся попутнице, – балбес твой друг...»

Глава 2

За шесть часов до приезда Исайчева наместо преступления.

Причина, по которой руководитель городского следственного отдела регионального СУ СКР полковник юстиции Владимир Львович Корячок, или как его попросту называли сотрудники Шеф, решил побеспокоить своего лучшего следака майора Исайчева в дороге, была более чем серьёзной. Можно сказать – архисерьёзной. В городе, в летней резиденции губернатора области, был убит высокопоставленный гость, Олег Олегович Бурлаков. Человек, чьё имя по версии журнала «Финанс» уже много лет не выходило из золотой обоймы богатейших людей Европы. Олег Олегович был земляком губернатора и, помимо российского гражданства, имел ещё гражданство Германии и Канады. Последние двадцать лет он каждый год приезжал в родной город Сартов по личным делам. Останавливался толстосум в резиденции губернатора, причём на это время гостеприимный хозяин по просьбе гостя отпускал из резиденции всю службу вплоть до охраны. Отпускал, потому что Олег Олегович привозил всё и всех с собой. Время пребывания гостя было кратковременным – не более трёх-пяти дней. Что в это время происходило в резиденции, не знал никто, конечно исключая приближённых

лиц, коих было немного. И вот тебе сюрприз, точнее сказать – беда. Бурлаков после двенадцати часов пребывания в резиденции вначале тринадцатого часа неожиданно резко вскочил из-за обеденного стола и тут же рухнул на пол с выражением крайнего изумления на лице. Жизнь покинула тело Бурлакова безвозвратно. Его двоюродная сестра Эльза, которая в тот момент входила в круг ограниченных лиц и сидела с ним за одним столом, утверждает, что Олега Олеговича убил инсульт.

* * *

Прибывшая через час после смерти губернаторского гостя судебный эксперт подполковник Галина Николаевна Долженко обошла тело вокруг, потягивая носом воздух, после чего села в обитое бархатом кресло, закурила и произнесла:

– Убили. Отравили цианидом, – и, оглядев прищуренными глазами всех, кто в данный момент присутствовал в губернаторской столовой, менторским тоном спросила: – Ну, и кто из вас это сделал?

Вопрос повис в воздухе.

Только жена Бурлакова – Ирина вскочила и побежала по залу мелким лихорадочным шагом, прищёпывая себе под нос:

– Как же так... как же так... как же так...

Сестра Бурлакова Эльза медленно встала с кресла, резкими движениями отряхнула с юбки невидимые крошки и резво пошла к креслу, на котором сидела Долженко. Подойдя,

развернула узкие плечи, подбоченилась, нависла над экспертом:

– Вы что, по запаху определяете убийство, уважаемая? Носом тут поводите... – процедила она сквозь зубы. – Хочу вам заметить, уваж-ж-жаемая, на столе стоит кофе с миндальным запахом, и он его пил. Я врач, врач, и я утверждаю, уваж-ж-жаемая, что это инсульт... внезапный, трагический...

Долженко отметающим жестом заставила Эльзу отойти от кресла на два шага и, сделав глубокую затяжку, стряхнула пепел в руку, невозмутимо спросила:

– Представьтесь, пожалуйста, гражданочка. Вы здесь кем будете?

– Я здесь Эльза Фридриховна Леманн – двоюродная сестра Олега. Пока ещё совсем не гражданочка, а госпожа Леманн. Уясните это на будущее... – Эльза в недоумении повела плечом. – Хотя какое у нас с вами будущее? Не дай бог!

Долженко лениво подняла на кипятящуюся Эльзу глаза, медленно ссыпала пепел от сигареты себе в рот и, проглотив, спросила:

– Да уж, не дай бог! Уточните, пожалуйста, чья вы госпожа, гражданочка Леманн? У вас гражданство какой страны? – и увидев удивлённые глаза Эльзы, пояснила, – изжога у меня, пепел помогает. К тому же сору меньше...

Эльза брезгливо поморщилась и, передёрнув плечами, пояснила:

– У меня, как и у Олега, гражданство не только России, а ещё и Германии.

– Мединститут где заканчивали? – продолжала вопрошать Долженко.

– Магдебургский университет имени Отто фон Герике. Он является самым молодым из современных престижнейших учебных заведений. Готовит отличных специалистов. Ещё вопросы есть? – Эльза глазами поискала место, где можно было присесть, прежнее её место было занято и все остальные тоже. Разыгрывающаяся на глазах оперативных сотрудников пьеса «Эксперт подполковник Долженко против строптивой фрау», вызвала большой интерес. Не Шекспир, но всё же, всё же...

– Да-а-а? – Галина Николаевна в недоумении пожала плечами. – Может вы и классный специалист, может у вас опыта не хватает... Тогда ликбез будет платным.

– Что-о-о? – Эльза от удивления выпучила глаза, – что-о-о?

– Ой! Вот этого не надо... – устало взмахнула рукой Долженко. – Не надо на меня делать глазки... Деньгами не возьму, возьму крепким кофе... Я хоть и не судмедэксперт, но кое-что и мы умеем... Миндальный запах чувствуете?

– Ну?! Он пил перед эт-т-тим, эт-т-тим, – Эльза указала пальцем на распростёртое на полу тело, – кофе, ароматизированный миндалём.

– Допустим... Однако трупное пятно на шее какого цвета?

– Вишнёвое, – потухшим голосом констатировала Эльза.

– Так! Уже лучше... и чтобы вы наверняка налили мне кофе... – Галина Николаевна быстрым движением извлекла из чемоданчика два шприца. Присев рядом с телом, ввела иголку в шею покойного: – Поясняю действия специально для вас: пробую попасть в ярёмную вену... так... так... есть, – Галина Николаевна наполнила шприц кровью, а затем ввела иглу второго шприца туда же в шею чуть выше первой. – Надеюсь, вы поняли, эту порцию крови я взяла из сонной артерии. Ну, милочка, чем же отличаются друг от друга эти два анализа.

– Какой ужас! Его убили. Бедный, бедный мой брат, – гримаса ужаса исказила надменное лицо Эльзы и сделала его смешным. – Вы хотите сказать, что кто-то из нас убил Олега Олеговича?

Долженко энергично замахала ладошкой из стороны в сторону:

– Ну-у что вы? Как можно?! Здесь, по всей видимости, мышка бежала, хвостиком вильнула, цианид в чашку убиенного и просыпался... А серьёзно... – Эксперты не расследуют преступления, они только помогают уличить преступника, добывая доказательства. Хотя тут и кролику... Да... да... да... Сейчас я уеду и, вероятно, через несколько часов вернусь уже не одна, а с майором Исайчевым – старшим следователем Следственного комитета, – отыскав глазами притулившегося в угловом кресле капитана Васенко,

Долженко воскликнула, – Роман! Роман Васенко, проснись! Ты со мной? Машину уже прислали... Спектакль окончен, зрители могут покинуть свои места, кыш... кыш...

Васенко, не открывая глаз, потянулся и, перевернувшись на другой бок, подпёр ладошкой щёку, пробурчал:

– Куда же я от труп-то, Галина Николаевна?

Судя по размерам сидящей фигуры, мужчина был небольшого роста, чуть лысоватый:

– Большой Шеф приказал дожидаться шефа поменьше и поступать в его распоряжение. Так что подневольный я... Охраняю первоначальный вид места преступления в нетронутом виде...

– Здесь оперов из городского убийного отдела на каждом метре по два, чай, не дадут разбазарить место злодеяния... – но увидев, как Васенко ещё глубже ввинтился в кресло и ещё крепче прижмурил веки, Долженко махнула рукой, пошла к двери, на ходу бросив, – как знаешь, может ты и прав... Да! Когда тело увезут в «судебку», не забудь там предупредить: два прокола на шее убиенного мои. Я пришлю им бумагу по этому поводу, позже...

Её провожали восторженные глаза зрителей – оперов городского убийного отдела, коим сестра погибшего порядком надоела.

* * *

За час до приезда Исайчева на место преступления.

Эксперт Галина Николаевна Долженко столкнулась с майором Исайчевым в дверях кабинета полковника Корячка:

– Ну, вот, не успела улизнуть, – огорчённо заметила эксперт, – я-то надеялась, что Шеф тебе сам преподнесёт результаты экспертизы. Ладно, пошли... – переступив порог кабинета начальника, Долженко взмолилась:

– Дяденьки, отпустите домой, головёнку до подушки донести, я уже там все сделала. Спать хочу страшно! Всю вчерашнюю ночь в гарнизоне за городом торчала, там суицид, а потом сразу в резиденцию... Поимейте совесть, господа!

Полковник Корячок свёл к переносице мохнатые брови, из-под которых на эксперта смотрели тёплые обожающие глаза:

– Входите, офицеры, рассаживайтесь... – сказал он, твердея голосом. – Не расслабляйся, Галина! Мы с тобой, бывало, выезжали на дело и по трое суток не спали. Ничего, не ныли...

– Так-то, когда было, Вовчик, – побряхтывая и присаживаясь к столу Шефа, проворчала Долженко, но спохватившись, исправилась, – Владимир Львович. Мы с тобой тогда лет на двадцать пять моложе были...

Корячок заботливо пододвинул к Галине Николаевне пепельницу:

– Были... были... Сейчас всё майору расскажем, и отпу-

щу тебя спать... Итак, майор, рассказываю вкратце, подробности на месте узнаешь. Ты, Галина Николаевна, куда надо вставляй свой комментарий... Дело непростое, для узкого круга людей, без огласки. Расследование строго конфиденциальное. Это просьба губернатора. Сами понимаете, не часто в его резиденции убивают гостей такого масштаба.

Последняя фраза Шефа вызвала у Исайчева ироническую усмешку.

– А ты не хмыкай, не хмыкай, в резиденции губернатора вообще никогда никого не убивали, – продолжил полковник Корячок и поплевал через левое плечо.

– С почином нас, – хихикнула Галина Николаевна.

– Цыц! И ты туда же, – рявкнул Владимир Львович. – Давайте соберёмся, господа офицеры. Давайте соберёмся... Не на картошку едем... Есть одна немаловажная деталь – губернатора во время убийства в резиденции не было...

– Лучше бы на картошку.... Извините, Владимир Львович, – прервал Исайчев Шефа и, обращаясь к эксперту, спросил: – Галина Николаевна, сомнений не осталось – это убийство? Может...

Долженко щёлкнула зажигалкой, прикурила сигарету:

– Убийство-убийство, Мишаня. В крови жертвы такое количество цианида, что на троих хватило бы... Отвертеться не удастся. И что скверно, злодей почти не наследил.

– Почти? – Исайчев попытался поймать ускользающий взгляд Долженко.

– Совсем не наследил, майор, – Галина Николаевна наконец решилась посмотреть на Михаила, – трудно тебе будет, майор. А кому сейчас легко? Я, товарищ полковник, так и быть, вернусь с майором на место преступления. У Михаила глаз молодой, может быть, ещё чего найдём. Хочу предупредить: из резиденции по приезду высокого гостя никто не выезжал. Так что злодей там.

– По вашим прикидкам целью был именно Бурлаков? Он не мог схватить чужую чашку?

– Однозначно Бурлаков. Без сомнения, – убеждённо ответила Долженко, – только Бурлаков из всей компании пьёт кофе с молоком и пьёт его из особой термической чашки, которую его повар возит за ним повсюду. К чашке прилагается специальное электрическое устройство, поддерживающее определённую температуру напитка. Бурлаков пил только очень горячий, очень крепкий и очень сладкий кофе с молоком. Чашка стояла отдельно от общего подноса с кофе. Цель – Бурлаков.

– Много ли там гостей? – поинтересовался Исайчев.

– Много, Мишаня, много... услуги только пять человек. Приблизённых видела пока троих: жена – истеричка, двоюродная сестра – нахалка, адвокат – самодовольный индюк и ещё управляющий здешним филиалом фирмы убиенного – мужик на первый взгляд не дурак, правда со шлейфом корвалла. Ещё начальник охраны, он же личный телохранитель, но его не видела. Он с Васенко общался вне зоны злодей-

ства. Когда я уезжала, к входу подкатило такси и из него вышел парень, весь в импортной джинсе, с женщиной. Я приказала их от остальных отделить, благо резиденция большая, и никому про них до твоего приезда не говорить. Решила не мешать чистых и грязных. Не следует им обмениваться информацией. Вновь прибывшим об убийстве не говорить. Сам решишь, когда сказать. Ничего, что я покомандовала? Ты не в претензии? Оперу, который меня провожал, я такую кару за длинный язык обещала, что он вряд ли вообще до твоего приезда говорить будет.

– Ты, Галина Николаевна, всё правильно сделала. Спасибо. А Васенко где? Мне обещали Васенко, почему вы, а не он новых гостей остановил? – вопросительно взглянув на начальника, спросил Исайчев.

– На месте твой капитан, – Долженко поднялась с кресла, – он не успел бы их изолировать, если бы они вошли. Прямо удача, что я их у порога ухватила.

Уже в машине, направляясь к месту преступления, Долженко заметила:

– Кстати, твой Васенко хоть и хитрая лисья морда, но о вновь прибывших не в курсе... ап-п-п-п... я приказала...

– Брависсимо, товарищ майор, и всё же ты больше Галючка, чем Галинка, – с любовью поглядывая на эксперта, заметил Исайчев, – опиши мне приближённых убиенного. Как они тебе с первого взгляда?

Долженко состроила недовольную гримасу и, прислонив голову, покрытую седыми мелкими кудряшками, к подголовнику, прикрыла глаза:

– Так я тебе коротко рассказала: истеричка, нахалка, индюк надутый и парень не дурак. Обслугу не видела, они мне ни к чему. Их в главном корпусе только у дверей держали. Начальник охраны, правда, туда-сюда шастает... Его надо попристальнее разглядеть.

– Галинка, ну пожалуйста, поподробнее, у тебя глаз-ва-терпас, – взмолился Исайчев.

– Ты, чудо огородное, дай подремать. Бабушка русской экспертизы устала. Мне бы хоть маленький сончик привидеть... Вообще, напрасно ты, Мишань, настаиваешь. Мои красочные впечатления могут затереть твои...

– Баба Галя, ты же знаешь, я принимаю впечатления экспертов, но опираюсь на свои, извини... Давай вещай, мне надо войти в состояние предельной заинтересованности делом, и войти уже подготовленным к нему...

Долженко открыла один глаз и зло глянула на Исайчева:

– Какая я тебе баба Галя, свинья?! Эта баба исползала на коленях всю залу, а там квадратов сто пятьдесят не меньше, и, как видишь, встала и хожу. Другая бы в моём после пенсионном возрасте давно на составляющие развалилась, а я с тобой обратно плетусь....

– Извини, Галина Николаевна, я дурак дураком, дай в щёчку чмокну, – взмолился Исайчев и сложил ладошки ло-

дочкой.

Долженко опять закрыла глаз, но щёку для поцелуя подставила:

– Ладно, целуй, – миролюбиво пробурчала она и, получив обещанное, вновь положила голову на валик. – Итак, двоюродная сестра Бурлакова – Эльза Фридриховна Леманн...

Исайчев резко всем корпусом развернулся к эксперту:

– Они иностранцы? Этого ещё не хватало...

– Не перебивай, – Долженко поняла, что Михаил не даст ей вздремнуть, вытащила из чемоданчика пачку сигарет, одну сигарету вынула, – Эльза Леманн, насколько я слышала из опроса Васенко, – немка Поволжья. Родилась в Покровске.. Её мать – родная сестра матери Бурлакова, и на правах ближайшей родственницы фрау считает нужным лезть во все дырки, подсматривает за операми. Их в резиденцию городской отдел с перепугу нагнал видимо-невидимо. Дамочка пытается командовать. Она родственница жертвы, и судя по всему, родственница, а заметная фигура в его бизнесе. Сейчас Эльза проживает под Мюнхеном, является смотрителем производства. Леманн специально выделила: не директор, а именно смотритель, – Галина Николаевна помяла сигарету, разглядела её и сунула обратно в пачку. – Гадкая привычка! Нужно отвыкать. Или поздно уже, майор?

Исайчев не слышал вопроса, отвернулся к окну, а когда обернулся вновь, спросил:

– Решать ничего не решает, но за всеми приглядывает.

Чем они занимаются?

Долженко усмехнулась, но не обиделась, понимала – Ис-айчев входит в дело, пояснила:

– У Бурлакова в пригороде Мюнхена завод одноразовых шприцов. Прибыла в Сартов по приглашению брата для ка-кого-то очень важного разговора. Внешне белая мышь, уси-ленно молодящаяся, брови щипанутые, глазки у носика ма-ленькие, шнырчатые. – Эксперт поморщилась, вспоминая Эльзу, и добавила, – а жопа, я тебе скажу, у неё как у неф-тяной баржи корма. Мне кажется, что мама у этой немки немножечко еврейка...

– Та-а-ак, – пропел Исайчев, – интернационал...

– Далее, жена убитого – Ирина. Ой! Главное забыла ска-зать, Леманн и Ирина заканчивали одну школу... Ирина кра-савица. Ну, красавица ни дать, ни взять. Чернобровая, ка-реокая, большеглазая, с изумительными зубами. Цену себе знает. Только на стоматолога, небось, лимона три положила. Пластический хирург тоже на лице отметился. Но характе-ром Ирина уступает Эльзе, пожиже будет... Далее юрист – адвокат погибшего. Хочу, чтобы ты записал – у него сложное имя, отчество и фамилия...

Исайчев, недовольно побряхтывая вытянул из кармана блокнот:

– Ну-у-у... готов...

Долженко усмехнулась:

– Адвокат – гражданин Канады по имени Сайрус Морду-

хович Брион...

– О как! – вскинулся Исайчев, – Язык сломаю выговаривая.

– Не сломаешь, – хмыкнула Долженко. – Эльза зовёт его Сара, и мне кажется, она попала в точку...

– О, господи! Что прямо Сара, Сара?

– Усилю впечатление – Сагочка... чистенький, причёсанный, в розовом галстуке, синем костюме, в дорогих тёмно-синих замшевых туфлях почему-то без носков... Рубашка кипенно-белая, аж глаза режет... Почему без носков, Мишань, холодно же?

– Зато модно, круто, экстравагантно... Боюсь спросить, наш потерпевший ни того... этого....

– Нет! – резко бросила Галина Николаевна, – наш потерпевший был мужик! Высокий, под два метра, атлетически сложенный, слегка небритый, с суточной щетиной, глаза как у мальчишки, карие с позолотинкой, жаль таких мужиков терять... Мне кажется, он жену уберегал от соблазнов, поэтому и держал рядом с собой Сагочку. И судя по тому, как адвокат ловко говорил с нашим Ромой, он хороший спец. Пока я труп осматривала, прислушивалась. Но из их разговора так ничего и не поняла. Сара говорил много, жужжал словно муха, а в остатке ноль. Ты же знаешь, Ромка – лиса. Он такие крючки в беседах ставит, что его не обведёшь, а тут, поди ж ты, – ноль. Ничего, кроме того, что лежало на поверхности, он не выудил... Кто, кого, кому, с кем – ничего не нащупал.

Один дым.

– Так, ясно, – почесал затылок Исайчев, – остался управляющий – «мужик с виду не дурак» и те, что приехали. Но о тех, я понял, никто ничего не знает. Давай о мужике не дураке...

– Ничего про него не скажу, Мишань. Мужик произвёл на меня хорошее впечатление: глаза умного человека, держался хорошо, но напряжённо. Видно было, что для него всё произошедшее – потрясение, и мне кажется, у него больное сердце.

– С чего ты так решила, одышка?

– Нет, одышки нет... Но он всё время зяб, у него мёрзли руки, и он частенько их растирал. Холодный пот на лбу, запах корвалола, а когда я осматривала его одежду, заметила в приоткрытом рту ярко-красный язык... Как врач, я посоветовала бы ему обследовать сердце, но может быть там были другие причины – тебе разбираться, милочка....

– Галина Николаевна, в резиденции есть кабинет, где я могу проводить допросы? Импортировать их в комитет не дадут. Придётся все следственные мероприятия проводить на месте...

Долженко бросила на Михаила ироничный взгляд:

– Нет, Михаил Юрьевич, у губернатора одна маленькая комнатка и на чердаке...

– Я серьёзно!

– А серьёзно? Найдётся и тебе комната. У них у каж-

дого свои апартаменты. Пока ты будешь работать с одним из них, я более тщательно осмотрю их персональные хоромы. Место преступления я проползла, а вот комнаты осмотрела поверхностно. Кабинет займёшь губернаторский. Посмотришь, в каких комнатухах сильные мира сего решают наши босяцкие проблемы. Ох, трудно им приходится... губернаторам-то...

Глава 3

Управляющий местным филиалом корпорации Олега Бурлакова Алексей Иванович Слаповский открыл дверь кабинета, не постучавшись, но порога не переступил:

– Извините, я не стучусь – знаю, что ждёте именно меня...

Исайчев жестом пригласил мужчину войти и указал кресло, куда сесть. Сам Исайчев разместился за антикварным бюро, которое торчало на гнутых витиеватых ножках посреди стометрового кабинета. Обычного письменного стола или чего-либо похожего на него при осмотре резиденции найдено не было. Михаил чувствовал себя неуютно, он не привык к подобным видам мебели. Бюро было небольшим и слишком экстравагантным: здесь и выточенные из красного дерева ангелочки, и множество маленьких и больших ящичков, а вот рабочей поверхности мало. Михаилу едва удалось поместить папку с бланками допросных листов, диктофон и ноутбук, с которым он не расставался никогда, используя

его чаще как печатную машинку или монитор для просмотра фотографий с места преступления. Стены кабинета, затянутые сиреневым шёлком в мелкую золотую искорку, не располагали к кропотливой работе. Они наполняли голову Михаила неосознанным раздражением.

– Меня зовут Михаил Юрьевич Исайчев, – представился Михаил, – я буду вести дело Бурлакова, прошу вас назвать себя и подписать вот эту бумагу – это ответственность за дачу ложных показаний...

Мужчина подошёл к бюро и, не читая, расписался там, где Исайчев поставил на листе бланка галочки. Прежде чем вернуться на место, произнёс громко и чётко:

– Алексей Иванович Слаповский – директор фармакологического завода в Сартове. Директор уже семнадцать лет. Мы с Олегом Олеговичем окончили здешнее военное училище, с того времени и знакомы... Слушаю ваши вопросы...

– Продолжайте, Алексей Иванович, вы закончили с Бурлаковым одно военное училище, рассказывайте, что было дальше. Вопросы будут позже...

Слаповский более основательно сел на стул, давая понять, что готов к длительному разговору:

– Потом я отправился в войска, а Олега направили преподавать в военное училище нашего профиля в Харьков. У Олега светлая голова... Мы встретились с ним через восемь лет, он уже был богатым человеком, и у него имелась собственная фармацевтическая корпорация. Меня комиссо-

вали по случаю ранения во Второй чеченской.

Слаповский энергично растёр пальцы рук:

– Извините. Плохое кровообращение, пальцы леденеют. Особенно когда волнуясь.

– Может быть, горячего чая? Согреетесь, – предложил Михаил.

– Нет-нет! – всполошился Алексей Иванович. – Чай я уже сегодня пил и кофе, господи спаси, тоже... Давайте продолжим. Так вот, после войны я вернулся в Сартов и болтался здесь без дела и зарплаты. Встретились мы во время очередного приезда Олега в город. Он на протяжении многих лет приезжает сюда. Зачем? Не знаю. Во время пребывания в Сартове Бурлаков завода не посещал. Ревизоры его бывают периодически, а сам нет. Нет! Даже не припомню, когда был... При встрече, обычно встречаемся где-нибудь в парке, в местах нашей юности, он выслушивает отчёт, и достаточно... Тогда, семнадцать лет назад, Олег предложил мне работу сразу директором предприятия, говорил, что никогда об этом не пожалел... Я тоже... Очень его жалко... Кто теперь возглавит дело?

– Он хорошо его знал?

– Кого? – вскинул пучкастые брови Слаповский.

– Дело... – усмехнулся Исайчев.

– Он начал заниматься бизнесом ещё будучи преподавателем в военном училище, можно сказать, на чистом месте. С преподавательской карьерой у него не получилось. Союз

к тому времени развалился. А он, российский офицер, не захотел присягать новому правительству.

Слаповский замолчал, сглотнул комок в горле, продолжил:

– Родине мы в то время тоже были не нужны. Но, в отличие от многих, Олег быстро сориентировался и, воспользовавшись тем, что мать немка Поволжья, эмигрировал с семьёй и с семьёй сестры матери в Германию, там и развернулся. Тогда ведь только входили в медицинскую практику одноразовые инструменты. Годы-то какие были сумасшедшие...

Михаил видел, что воспоминания прошлых лет не доставляют Слаповскому удовольствия. Они приносили ему не только нравственные страдания, но и физические. Он всё время морщился, ёрзал на стуле.

– Расскажите в подробностях, о сегодняшнем утре... – попросил Исайчев. Слаповский секунду помолчал, а когда начал говорить было видно, как он подбирает фразы, стараясь быть точным:

– Я прибыл в резиденцию к восьми часам утра. Сайрус не настаивал на раннем визите. Он позвонил и от имени Олега Олеговича приказал приехать ближе к обеду.. Для меня его визит в Сартов был неожиданностью. Обычно он предупреждал загодя. Я спросил Бриона, какие приготовить документы, но он сказал, что встреча будет носить личный характер.

– Алексей Иванович, я ведь прежде чем сюда ехать, навёл о вас справки.

Михаил открыл ноутбук, отвернул от Слаповского экран и загрузил нужную страницу.

– Об остальных гостях материала мало, а вы здешний, и о вас много чего понаписано. Один из ваших однокашников насплетничал будто вы и Бурлаков имели в училище одну пассию на двоих.

– Нет! – резко и зло оборвал Исайчева Слаповский. – Не точно. Олег увёл у меня девушку, хотя у него существовала своя любовь. Мы с ним в училище были соперниками: оба отличники, оба борцы, часто выходили на ковёр как спарринг-партнёры. Я побеждал почти всегда. Олег злился... и вот так отомстил... она влюбилась и бегала за ним как собачонка... Даже аборт от него сделала...

– Вы не в курсе, что с ней стало потом? – не отрывая взгляда от монитора, спросил Исайчев.

– Ну, вы же знаете! Зачем спрашиваете? – вскинулся Слаповский.

– Да знаю – она стала вашей женой...

Алексей Иванович опустил голову. Было видно, как он сдерживается, играя желваками на скулах:

– Любил я её... понимаете... всякую бы принял... – Он попытался улыбнуться, но улыбка только обнажила зубы и совсем не тронула лица. – Это может быть основанием для подозрения меня в убийстве Бурлакова?

– Это уже основание для подозрения. Вы же понимаете, что ни вы, ни я не знаем, зачем Бурлаков приезжал каждый год в Сартов? Слаповский отрицательно качнул головой. – Ну вот! И я не знаю. Может быть...

– Вы что думаете, – Слаповский не дал Михаилу договорить, – он приезжал в Сартов для встреч с моей женой? Ну, нет... – Слаповский впервые за всю беседу удивился, растерянно пожал плечами и принялся энергично растирать кисти рук. – Извините... У нас четверо детей... и она никогда о нём не вспоминала... Знаете...

В кабинет, не стучась, влетел следователь Роман Васенко. Слаповский замолчал.

– Михаил Юрич! – пучил глаза Роман, – у нас ещё один труп!

– Ёшкин кот, кто! – вскакивая, воскликнул Исайчев.

– Повар, итальянец, Гуидо Скварчалуппи...

– Не резиденция губернатора, а бандитский притон! – Михаил, едва не сбив Васенко с ног, выскочил в коридор.

На половине дистанции Роман нагнал и обогнал начальника.

– У тебя что? Фигуранты в свободном полёте? – крикнул вслед удаляющемуся капитану Исайчев. – Ты их не изолировал друг от друга?

– Так кто знал, что они ещё кого-то грохнут? – на ходу, не оборачиваясь, пробубнил себе под нос Васенко, прибавляя скорость.

У дверей кухни Роман остановился отдышаться и подождать запыхавшегося начальника. В кухню следователи вошли вместе. Итальянец, согнувшись пополам, одной половиной тела лежал на разделочном столе кухонного острова, другая половина стояла на ногах. Рядом с головой Гуидо растеклась и уже почти загустела кровь. Волосы итальянца, густые, чёрные, выющиеся, напитанные кровью, начали подсыхать и превращаться в сосульки. Тут же на столе валялся помытый металлический топорик для отбивания мяса. Убийца, будто издеваясь, специально плохо ополоснул топорик, и на нём остались разводы от средства для мытья посуды. Рана на голове итальянца была велика и не оставляла сомнений в том, что жизнь вытекла из тела Гуидо вместе с кровью.

– Долженко сообщили? Она ещё здесь? – обратился Исайчев к оперативному сотруднику из городского убойного отдела. Именно он, когда зашёл поинтересоваться о ужине для дежурных оперативников, обнаружил тело Гуидо.

Оперативник не успел ответить, потому что Галина Николаевна сама вошла в кухню. Её белая кофточка и тёмно-синяя форменная юбка были в капельках крови. Исайчев, указывая эксперту взглядом на пятна, спросил:

– Галя, это ты его?

Долженко покрутила указательным пальцем у виска:

– Тьфу на тебя! Это кровь Эльзы...

– Её что тоже? – зарычал Васенко.

– Пока нет! – махнула рукой Долженко и поплевала че-

рез левое плечо, – не дай бог. Пусть живёт... Я осматривала её комнату, а она решила поменять лампочку в торшере. Перегорела. Лампочка оказалась треснутой и рассыпалась у неё в руках. Кровища лилась, как из барана. Пока вынимала из ладони стекло, перевязывала, изваракалась вся...

– Как из овцы, – встрял в разговор Роман.

– Уйди отсюда, шутник-самоучка, – прикрикнула Долженко, – у трупа хихикаешь, бог тебя накажет!

– Галя, не иди в разнос, – остановил Исайчев распаляющуюся гневом Долженко.

– У нас каждый день труп. Уж кто-кто, а ты не хуже меня знаешь. Профессиональная деформация. Если бы не чувство юмора – давно бы повесились...

– Так, что тут у нас? – спросила, безнадёжно махнув рукой, Долженко.

Она подошла, внимательно осмотрела труп и, приложив пальцы к шее итальянца, констатировала:

– Судя по температуре тела, случилось это не более часа назад. Точнее скажу, когда осмотрю труп в лаборатории. Пока так – убийца ударил сзади, подошёл тихо, повар его не слышал, сила удара мощная... покуда всё. Я ещё не закончила осмотр апартаментов фигурантов. Изымаю одежду. Может быть, на ней что-то найду. Результаты завтра. Раньше не сделаю. Еле хожу, устала. Часа вам хватит осмотреться и описать труп итальянца? Если тело успеете упаковать – заберу с собой. Нет, привезёте сами...

Роман обошёл вокруг кухонный остров, остановился у тела Гуидо, спросил:

– Почему убийца не боялся, что повар его услышит? Итальянец был глухой? Кто-нибудь в курсе?

Ответила Долженко:

– Нет, он был в наушниках. Посмотрите, их у него изъ-яли рывком. Из одного уха наушник вылетел легко, а второй оказался зажат в ухе столом, на который упала голова, и его пришлось тянуть. Видите, красная полоса от уха почти до подбородка...

– Зачем убийца забрал наушники? – удивился Исайчев.

– Если бы я была убийцей, я бы пояснила, а так, увы и ах.. Я свободна? Могу продолжать осматривать апартаменты? – Долженко, не дожидаясь ответа, направилась к двери.

Когда дверь за ней закрылась, Роман, изображая утиную походку эксперта, бросил вслед:

– О, пава! Спросила и пошла... у меня тёща такая. А может ты против? Ты же старший группы...

Михаил досадливо поморщился:

– Ну, хватит, Рома, ёрничать. Она старше по званию и по летам. Давай работай! Мне кажется, что преступник что-то искал в одежде итальянца и плеер в кармане ему мешал. Он его вытащил, а потом решил вовсе забрать. Видимо отпечатками запачкал. Перчаток у него не было. Если бы были, он не стал бы мыть топорик.

– Значит, к убийству заранее не готовился, – рассудил Ро-

ман, — кто-то его подтолкнул.

— Я думаю, плеер искать не стоит. Резиденция огромная — одной земли три гектара... — продолжил размышлять Исайчев.

— Михал Юрич, а если это записывающее устройство и повар слушал то, что закачал туда накануне? Может быть то, что уличало убийцу? — Роман сел на корточки, осматривая место у ног Гуидо. — Ничего нет, как в хирургической. Одна кровяшка...

— Тогда тем более не найдём, — подтвердил своё же предположение Исайчев. — Но я склоняюсь к тому, что убийца искал что-то именно в одежде. Обратите внимание на рукава поварской куртки, они раскатаны. Злодей искал записку, флешку, что-то мелкое. Роман, приглашай оперов, — приказал помощнику Исайчев, — пусть пакуют всё, что найдут, проследи, чтобы тщательно. Запри фигурантов по комнатам, нечего им по усадьбе болтаться... Ужина, вероятно, не будет... А жаль, я в поезде только чай попил, пообедать вообще не удалось. Позвони Шефу, попроси как-то решить вопрос с питанием, а то мы все здесь перемрём от голода. Городские опера по коридорам уже ворчат...

Телефон в кармане Михаила взвыл в режиме пожарной сирены.

— Вот и он, лёгок на помине! — определил, глядя на дисплей, Исайчев и нажал зелёную кнопку. — Слушаю, Владимир Львович... да, ещё труп... понял... никого из резиден-

ции не выпускать, включая сотрудников... понял... языки прикусить... понял... работать в режиме борзой собаки... понял... умереть на посту... Что нужно от вас? От вас – нужно прекратить меня запугивать и не-ме-шать! Я не борзею, вы сами приказали мне войти в режим борзой собаки, я вошёл... Извините... я постараюсь... Владимир Львович, решите вопрос с питанием, голодно здесь... хорошо... можно и три корочки хлеба, но каждому... понял вас... – Михаил нажал кнопку «отбой» и только тогда увидел округлившиеся глаза Васенко.

– Я фигею, Михал Юрич! Ну, вы даёте... так с Шефом...

– Иди работай! – оборвал коллегу Исайчев. – Я ухожу продолжать допрос Слаповского.

В кухню вошёл старый знакомый Исайчева, начальник районного убойного отдела Константин Плетнёв. Исайчев обрадовался:

– Здравствуй, Костя, рад тебя видеть. Вот только встречаемся мы с тобой в грустных местах, при грустных событиях. Вы с женой что-то совсем к нам дорогу забыли...

Плетнёв развёл руки в разные стороны:

– Что поделаешь, дружище, не мы такие – жизнь такая.

– Закончится эта бодяга, приходите в гости, Оля будет рада.

– Принято, майор, обязательно забежим. А сейчас слушаю тебя.

– Проследи, чтобы труп упаковали аккуратно и вынесли,

не особенно афишируя. Пусть всё здесь подберут и Галине Николаевне в лабораторию отправят. Она ждёт.

— Есть, майор, сделаем.

Глава 4

Исайчев вернулся в кабинет. Он застал Слаповского переодетым в летние парусиновые брюки и жёлтую футболку с надписью «Та ещё вишенка».

«Женская», — подумал Исайчев, силясь сохранить серьёзное выражение лица.

Слаповский сидел в той же позе, только ещё больше согнул в крутую дугу спину.

— Это вас Галина Николаевна придела? — уточнил Исайчев.

— Не совсем так. — Слаповский, разглаживая заломы, провёл обеими ладонями по футболке. — Ваш суровый эксперт нас подраздела, а уж мы, во что смогли приоделись, у кого чего было. Сайрус меня предупредил, что возможно придётся остаться на ночёвку, и я захватил домашний костюм...

Михаил ещё раз оглядел весёлый костюм свидетеля, и прибавляя деловитости в тон, спросил :

— На чём мы остановились, Алексей Иванович? Помнится, на том, что ваша жена сделала от Бурлакова аборт.

— Мы закончили на том, что у меня была причина убить Бурлакова. — Слаповский болезненно поморщился. — Как вы

понимаете, она не могла рассосаться со временем и была у меня всегда, только я почему-то не убивал его раньше... Хотя раньше обида была сильнее... и ревность грызла глубже... Знаете, почему не убивал?

– Почему? – Михаил снял очки и помассировал указательным пальцем переносицу.

– Я его простил... – Слаповский пристально посмотрел в глаза Михаилу:

– Не надо иронии. Да! Я его простил! Вы можете мне не верить, но хорошего Олег мне сделал больше, чем плохого... А то, что он приезжал сюда встречаться с моей женой, полная ерунда...

Исайчев вопрошающе вскинул брови.

– Дважды Олег был в городе, зная, что у меня отпуск и нас нет... так что вот так, – просветлев лицом, выплеснул Слаповский. – Вспомнил! Это аргумент?! Аргумент?!

Исайчев согласно кивнул:

– Да. Это аргумент. Хорошо, рассказывайте дальше, что было в это утро...

– Завтрак был в это утро, – продолжил заметно повеселевший Слаповский. – Олег консерватор. Сегодня, как и всегда, он ел омлет, помидорно-огуречный салат, два поджаренных кусочков черного хлеба. И чай...

Михаил от неожиданности вздрогнул:

– Как чай? Был же кофе...

Реакция следователя развеселила Слаповского:

– На завтрак только чай. Кофе отдельным заходом, через час после завтрака. Завтрак с восьми до девяти. Кофейный час с десяти. К десяти всё должно быть подано... Сегодня утром Олег, видимо, хотел сказать нам что-то важное, потому что слова, которые он произнёс до первого, как оказалось и последнего, глотка кофе, были таковыми: «То, что я вам скажу сегодня, не подлежит обсуждению. Это моё окончательное решение. Я шёл к нему много лет...» Потом он глотнул кофе, поставил чашку и вдруг вскочил и упал... В первый момент я даже не осознал, что произошло. Ирина жутко закричала. Эльза бросилась к брату, пыталась что-то сделать. Мне показалось, она расстегнула ему верхнюю пуговицу рубашки и ослабила галстук. У неё руки дрожали и она в отчаянии рванула ворот рубашки. Голова Олега на мгновение приподнялась, а потом с каким-то тупым звуком стукнулась о пол. Эльза обернулась, посмотрела на меня, оскалилась, взвыла и поползла в угол, там и забилась. Для неё это крах... кто её без Олега терпеть будет?

– Как реагировал адвокат Сайрус Брион?

– Он очень испугался, как и я. Рыдал, а потом ушёл в свою комнату, вернулся через полчаса с лицом человека, узнавшего государственную тайну. Было видно, ему хотелось рассказать, но он сдерживал себя, видимо, было нельзя до поры до времени... Знаете, он мне даже подмигнул. Как-то так иезуитски торжествующе подмигнул, как будто у него получилось то, что он долго ждал и хотел. Мне стало даже

не по себе...

Исайчев положил на стол карандаш, который до этого машинально крутил в пальцах, и более внимательно посмотрел на Слаповского.

– Так, интересно... – Ваши предположения на этот счёт?

– Думал, но даже предположить нечего.

– Сайрус не мог быть связан с конкурентами Бурлакова? Или, вопреки интересам хозяина работал и на нечистоплотных партнёров? Брион мог стать орудием устранения держателя контрольного пакета акций корпорации?

– Нет... нет, – оживился Слаповский. – Я уверен, что подобным способом здесь его устранить не могли. Олег Олегович, конечно, жёсткий человек, но отличный дипломат. Все проблемы решал сразу на месте, не оставлял хвостов. Я наблюдал за его деятельностью за пределами Сартова через интернет. Выяснил, что Бурлаков совсем недавно приобрёл в Чехии ряд лакокрасочных предприятий. Там возникли какие-то заморочки. Олег разместил на заводах большой пакет взаимовыгодных российских заказов и волнения на всех уровнях затихли. Я уверен, никто из бизнеса на ликвидацию хозяина не отважился бы.

– Откуда такая уверенность?

– Начальник его охраны Иван Усачев наш одноклассник. Олег вытащил его в прямом смысле из такого дерьма, что теперь тот ему по гроб обязан... Ивана из армии попёрли за пьянку, жена бросила, бомжевал. Олег его вылечил и дал

всё. Он при нём человеком стал, новую семью обрёл. Усачев за Олега кого хочешь на британский флаг порвёт. Ко всему прочему, Бурлаков ему и его ребятам такие деньги платил, каких никто, никогда, никому за охрану не платит. У Олега была поговорка: «Денег не надо жалеть на детей и на охрану, потому как дети – твоё будущее, а охрана – твоё настоящее». Усачев тысячу раз перепроверил на связь с конкурентами всех, кто был приглашён на работу в корпорацию. А уж ближний круг перетряс по песчинкам.

Михаил вновь взял в руки карандаш и постучал им по поверхности бюро:

– Ну, предположим, вы правы. Хотя... – следующую фразу Исайчев проговорил мысленно: «Надо дать Васенко задание покопаться в интернете, там все сплетни собраны, может, что и нароем», а вслух произнёс, – а повар? Повар сам мог иметь на Бурлакова зуб?

Вопрос следователя вызвал у Слаповского ироническую ухмылку:

– Гуидо? Ни за что!

Он уже готов был пояснить, но крик, который оглушил резиденцию, заставил Исайчева прервать допрос. Михаил извлёк из-под бумаг сотовый телефон и набрал номер телефона Васенко:

– Роман! Что это? Опять труп? Нет? Уже хорошо... Ну? – И чем дальше Исайчев слушал пояснения коллеги, тем чётче его лицо приобретало выражение, будто он глотает что-

то кислое. — Зачем? — простонал он, — зачем ты ему сказал? Как я теперь буду его допрашивать? Ты что, не мог придумать причину отсутствия сегодня ужина? Ну, невозможно здесь работать... невозможно, и всё... — Исайчев раздражённо бросил телефон на папку с бумагами, тот подскочил и, ударившись о верхний ящик бюро, жалобно пискнул. — Ладно, давайте, Алексей Иванович, дальше...

На лице Слаповского появилась и сразу исчезла ироническая улыбка:

— — Я понимаю, сейчас Сайрус узнал о гибели Гуидо? Вам нужны дальнейшие пояснения?

— О чём?

— Гуидо никогда бы ничего не сделал без ведома Сайруса. Они семья. Не обычная, но всё же семья... Я видел лицо Бриона в первые минуты гибели Бурлакова, это было всё что угодно, но только не лицо убийцы. Поварёнок относился к хозяину с придыханием, с благоговением...

— О, Алексей Иванович, вы не знаете, какие лица бывают у убийц. Очень разные лица у них бывают, уверяю вас...

Слаповский тоном бывалого человека заметил:

— Не скажите, Михаил Юрьевич, я ведь чеченскую войну прошёл и многое видел не только в бою. Знаете...

— Хорошо, — Михаил прервал Алексея Ивановича. — Давайте вернёмся к Ирине, что вы думаете по её поводу? Мне высказали предположение, что Бурлаков окружал себя людьми не совсем обычной ориентации, чтобы не вводить

жену в искушение. Его ведь подолгу не бывало дома. Я так понимаю, берегут, когда любят. Ирина очень хороша собой. А вот капитан Васенко доложил мне, что на предварительной беседе вы высказали мысль о скором разводе этой пары. Это так?

Слаповский поморщился. Он явно не привык, что его обрывали на полуслове. Отвечать он стал с явной неохотой:

– Я встретил Олега семнадцать лет тому назад. К этому времени он уже семь лет был женат на Ирине и у них росла дочка, вторая родилась позже. Мне дважды в год на один день приходилось приезжать в Питер для отчёта на Совете директоров, так заведено. После работы Бурлаков обычно приглашал меня как старого товарища на ужин в свой загородный дом. При мне Олег был вежлив с женой, но не более. Особой любви в их отношениях я не замечал. За любовью должен стоять хоть какой-то труд, а Ирина была равнодушной к делам мужа. К нашим разговорам не прислушивалась. Не вникала. Казалось, отбывала повинность. Стоило мне посмотреть на часы, поезд на Москву уходил в 22 часа, она с удовольствием прощалась, иногда уезжала из усадьбы раньше меня. Я у Олега не спрашивал, да он бы и не ответил, его личная жизнь – тайна за семью печатями... так-то... Но вот в этот раз перед приездом Бурлакова в Сартов на заводе шептались будто хозяин собирается оставить Ирину. Откуда пошёл слух не знаю, вполне возможно, фантазии...

Михаил удивился:

– Вы в Сартов ездите через Москву? Почему? Я сегодня приехал из Питера прямым поездом. Очень удобно. Без пересадок.

– У меня в Москве сестра. Олег разрешал иногда мне такую вольность – навещать её. Из Питерской усадьбы я тоже уезжал пораньше. Люблю час-другой побродить по городу. Город – красавец! История на каждом шагу.

– Так, так, – Исайчев несколько секунд размышлял, потом предложил, – давайте поговорим об Эльзе? Она могла?

Этот вопрос понравился Алексею Ивановичу, он опять оживился:

– Ну, что вы! Эльза без Олега ноль. Причём ноль с отрицательным знаком. Её очень не любят в компании. Она ведь никто. Недоучка. Сказала вашему эксперту, что закончила Магдебургский университет. Она прослушала там только фармакологический годовой курс – Олег, чтобы отдалить мадам от себя, заставил и буквально пришил её, как заплатку, к своему производству. Вот надсмотрщик из неё получился прекрасный и стукач тоже. Живёт фрау Леманн под Мюнхеном в усадьбе Олега, всю службу оплачивает он же, и водителя, и автомобиль. Для неё смерть Бурлакова – völligen Zusammenbruch. Новые хозяева вряд ли будут её терпеть.

Исайчев понял, разговор о предстоящем будущем Эльзы воодушевляет Слаповского и поспешил его прервать. Его совсем не интересовало будущее. В настоящем разобрать-

ся бы!

– Спасибо, Алексей Иванович, можете идти отдыхать. Если понадобится, я вас позову.

Слаповский, покряхтывая, потёр колени, тяжело встал:

– Когда долго сижу – суставы начинают болеть... Разрешите домой позвонить, там волнуются. Вы нас когда отпустите?

Михаил усмехнулся и вновь взял в руки телефон:

– Роман, позови мне Ивана Усачёва. Да, начальника охраны. Прибыл новый повар? Хорошо... – и, обращаясь к Слаповскому, добавил, – через час вас накормят. Роман, выдай Алексею Ивановичу его сотовый телефон, пусть пообщается с родственниками... конечно, потом изъять... конечно, при разговоре присутствовать... – обращаясь к Слаповскому, пояснил, – так положено, Алексей Иванович, идите...

Дождавшись, когда за фигурантом закроется дверь, Исайчев вновь воспользовался телефоном.

– Галина Николаевна, ну что там? Жаль... Но внушает надежду слово «пока». Прощу тебя, сразу позвони, если что найдёшь... да понял-понял... что ж ты так кричишь... Ну, пока, дорогая... Жду!

Михаил откинулся на спинку кресла, вытянул ноги, прикрыл глаза. В голове неожиданно зазвучал густой низкочастотный голос случайной попутчицы:

Ты здесь?

*Прости, задумалась... так, о пустом,
О том, что жёлтые такси, как эти листья,
Что ночью стал казаться стильным дом
И что на скатерть пролит кофе – не отчистить...*

Исайчев с грустью посмотрел на телефон и вновь набрал номер, пока шла посылка вызова, подумал: «Хорошо, что есть эта штукавина, можно услышать родное дыхание». Трубка радостно зазвенела голосом жены:

– Скучаешь, Мцыри? Когда домой собираешься? Я борща наварила. Смотри там ничего не ешь – ещё отравят. Полковник Корячок звонил, извинился, что прямо с поезда отправил тебя в резиденцию. Слово с меня взял о неразглашении, – без остановки стрекотала Ольга, – может быть мне приехать? Посмотрю всё свежим взглядом, подскажу чего, а? Тебе ведь нужны дополнительные мозги. Корячок тебя и Ромку не выпустит, пока вы ему злодея не найдёте. Там у тебя Костя из районного убойного, он мужик головастый. Ты его привлекай.

Михаил зажмурился, переступая с пятки на носок, покачиваясь, дожидался паузы, когда можно будет вставить словечко, и, наконец найдя, вскрикнул:

– погоди, Копилка, не тараторь! Кости здесь уже нет. Он трупы запаковал и повёз к Долженко. Его оперов, вопреки приказу Корячка, я тоже отправил вместе с городскими. Они по усадьбе расползлись, мешали. Ходили тут, голодными же-

лудками урчали.

– Трупы? – изумилась Ольга, – во множественном числе? Откуда? Корячок мне про один труп говорил! У вас там война?

Михаил пожалел, что проговорился раньше времени:

– Мальчика, повара, по голове кто-то шарахнул...

– Повара? Который кофе варил? Убийца подельников устраняет?

– Пока не выяснил, до кофе ещё не добрался... Одного свидетеля пока только допросил. Хочу сказать...

– — Мцыри, ты фигурантов по комнатам запр...

– Уже!

– И осторожно там...

– Я хочу тебе сказать...

– Что ты соскучился?

Исайчев кивнул:

– Это в первую очередь. Приезжать ко мне пока не следует, а вот советы твои нужны. Буду звонить. А сейчас вот что... – и Исайчев подключил диктофон к телефону, – послушай запись. Это допрос одного из фигурантов – Слаповского Алексея Ивановича. Послушай, и скажи навскидку, как тебе человек? Фальшивит или нет и что ты по этому поводу думаешь? Мне нужны независимые впечатления...

* * *

Пока Ольга слушала запись, Михаил делал в блокнот пометки. По щелчку диктофона Исайчев отсоединил устройство:

– Ну? Как тебе?

– Не веришь ему, Мцыри?

– Не очень...

– Правильно. Ты же помнишь свою первую юношескую любовь? В ней максимализма больше, чем чувств. Чувство собственности обострено до предела, а тут аборт от другого человека. Не простил он его ни тогда, ни сейчас. Врёт он! Ты бы забыл, если бы любил?

– Я бы убил!

– В-о-от! – радостно запела Ольга, и Исайчев представил, как в эту секунду она довольно улыбнулась. – Мишка, можно я съезжу к Корячку, поговорю, пусть возьмёт официальным консультантом в это дело. Вспомню, что я ещё и психолог. Диплом пылится... Мне интересно. А?!

– Не ной, Копилка, – с суровыми нотками в голосе ответил Исайчев. – Пока ты мой советник на удалённой дистанции. Думать по делу разрешаю. Не забыла, что ты адвокат? Может, именно тебе придётся защищать убийцу. А ты выведаете все недочёты следствия и оправдаешь преступника. Нехорошо...

– Выведаю? – в голосе Ольги звучала обида. – В этом случае, Мцыри, я откажусь от защиты. У твоих толстобрюхих свои адвокаты найдутся, подороже меня... Ну что ж, было бы

предложено...

– Я же не сказал: вообще не приезжай, – поспешил утешить жену Исайчев. – я сказал: пока не приезжай. Я позову, когда будет надо.

– Правда?! – оживилась Ольга. – Тогда привет, целую! Ой. Забыла рассказать, есть минутка?

– Минутка есть... – согласился Исайчев.

– У меня радость! – зазвенела Ольга. – Я нашла на блошином рынке Константиновский рубль – одна из редчайших российских монет. Изготовлена на Петербургском монетном дворе в небольшом количестве во время декабрьского междоусобия 1825 года. Это тогда, когда в Таганроге умирает император Александр I и все думают, что на престол войдёт Константин Павлович – средний брат. Их младшенький, Николай, уже через час после смерти старшего принёс присягу Константину, но только мать и ещё несколько человек знали, что Константин отрёкся от престола за три года до этого события. Почему ты, Мишка, не задался вопросом: почему именно Слаповский был приглашён на важное и делаю акцент личное собрание? Мне кажется это странным, подумай, Мцыри, пока...

– Погоди... погоди... – закричал Михаил, но трубка уже была голосом «отбоя». – При чём здесь «константиновский рубль»? Ты думаешь Слаповский, докладывая о других, пытается представить обстоятельства в ином свете? Прожектор осветил то, на что не стоит обращать внимание? Спасибо!

Учту!

Однако всё это Исайчев проговорил в уже заунывно ноющую трубку.

Глава 5

После разговора с Ольгой, в ожидании Ивана Усачева Михаил загрустил – он уже целую неделю не видел жену и дочку. И сегодня не смог попасть домой. На какое время затянется расследование, Михаил предположить не мог. Но точно знал – Шеф его отсюда не выпустит без результата. Сейчас, как никогда, Михаилу не хватало внимательного и цепкого ума жены. Оля за годы их супружества много раз указывала Исайчеву на такие детали, которые впоследствии помогали ему поставить точку в запутанном расследовании. Поздняя встреча с Ольгой, на рубеже тридцати пяти лет, была для него счастьем – долгожданным и нечаянно обрётённым. Их знакомство произошло у Оли в кабинете, куда его привело неясное, почти бездоказательное дело. Они тогда не успели договорить, Ольгу срочно вызвали клиенты, и по обоюдному согласию решено было перенести разговор на вечер, но не в кабинет, а в кафе – продолжить беседу за чашечкой горячего шоколада.

Он хорошо помнит их первую встречу.

На неё Михаил приехал загодя. Припарковал машину, взял в руки припасённый букет роз, просмотрел каждый цве-

ток. Один не понравился, был вяловат, и Михаил осторожно вытянул его из букета. Оставшиеся четыре розы были хороши. Ольга удивилась такому подарку, попеняла Михаилу, что четыре розы приносят только на похороны. Михаил не растерялся и, выхватив из букета одну из роз, преподнёс её проходившей мимо пожилой женщине.

Он и раньше знакомился с девушками. Среди них были красавицы разных мастей. Чаще длинноволосые блондинки, попадались и брюнетки, и рыжеволосые солнышки. Они радовали глаз, но не трогали сердце, а уж про душу и говорить нечего. Всё было мимо, мимо. В тот час Исайчеву показалось, что Ольга – та самая, самая... Именно её он ждал всю жизнь. Михаил не мог себе объяснить, что за тихие радостные чувства бродили в нём в ту минуту, но был уверен: он нашёл давным-давно ожидаемое, без чего жизнь кособочилась, и её надо было удерживать, как оползень.

Сейчас в резиденции, услышав вопрос Ольги, он поёжился:

– Как она спросила: что бы я делал, если бы неожиданно узнал, что она спит с моим другом? Нет! – представил себе Михаил и яростно рубанул воздух ладонью. – Нет! Убью обоих! Наглость какая...

Кто-то осторожно и уже давно тюкал костяшкой пальца по полотну двери. Михаил обернулся и в щёлке приоткрытой двери увидел круглые удивлённые глаза престарелого мальчишки. Глаза были грустными и при этом улыбались.

– Извините, я прервал ваши размышления. Но я не напрашивался, вы сами пригласили. Меня зовут Иван Васильевич Усачёв – начальник службы безопасности фирмы Олега Бурлакова.

Исайчев усмехнулся, увидев вопросительную гримасу на лице Усачёва, она наверняка относилась к последней произнесённой Михаилом фразе.

– Проходите, Иван Васильевич, нам предстоит непростая беседа, и я жду от вас помощи. Мы ведь в некотором роде коллеги. Стоим на страже. Давайте сухие факты, без эмоций. Эмоции мне добавят присутствующие здесь женщины. Хорошо? Тогда расскажите, какие отношения вас связывали с Бурлаковым и как вы провели нынешнее утро... извините... минуточку... телефон.

Звонила эксперт Долженко.

– Да, Галина Николаевна... – ответил Исайчев. – Нашли?

Михаил встал и, передвигаясь мелкими шагами, пошёл вдоль стены. Слушал молча, изредка кивал. В конце спросил:

– И что это нам даёт? Хорошо, я распоряжусь... Конечно, кропотливо осмотрим все руки... и все пальцы, и если надо, оторвём их и пришлём вам на экспертизу... Есть сосредоточиться! Да помню я – у Эльзы перебинтована рука... Ну если вы лично видели, то не будем тревожить. Конечно, согласен с вами – убийца искал именно его! До связи!

Нажав кнопку «отбой», Михаил попросил Усачёва показать руки и, удовлетворив любопытство, вновь набрал номер:

– Роман, подойди к «допросной», постучись, но не заходи, для тебя задание... – откинувшись на спинку кресла, Исайчев попросил, – сейчас придёт мой помощник следователь Васенко. Я на секунду выйду, а потом продолжим, пока его нет, слушаю вас.

– Я служу у Бурлакова без малого двадцать лет. Суровый начальник, даже где-то тирановатый.

– Какой?! – переспросил Михаил. – Тирановатый? Это какой?

– В моём понятии, не совсем тиран. Требует порядка. Будет порядок – будешь жить хорошо... Олегу я многим обязан, поэтому дорожил честью быть ему полезным. Это моё правило.

– Ваши ребята придерживаются такого же правила?

– Мои ребята многим обязаны мне... и для них мои правила – закон.

– У вас есть предположения, кто мог сыпануть цианида в кофе Бурлакова?

– Доступ к цианиду был у тех, кто вхож на фармозаводы, первая из присутствующих – Эльза. – Михаил почувствовал, как напрягся Усачёв. В его голосе появились железные нотки. – Её следует потрясти. Она сложная штучка. В общении крайне неприятная. Мстительная. Но Олег был для неё авторитетом. Он с ней не церемонился, но и не обижал напрасно. Она всю жизнь мечтала, подчиняясь ему, им управлять. Но, как говорится, силёнок на это не хватало. Если это она, в чём

я сомневаюсь, у неё должна быть веская причина. Очень веская.

В дверь постучали, Исайчев поспешно встал, вышел. За дверью его ждал Васенко:

– Роман, – шёпотом заговорил Исайчев, – Галина нашла в волосах Гуидо небольшой бриллиант, по её предположению, а я с ней согласен, это то, что убийца искал в одежде повара. Видимо от такого мощного удара из каста кольца или перстня выпал камень, убийца заметил это, но у него не хватило времени его найти. Проверь у всех руки, осмотри ювелирные изделия, если кольцо сняли, должен остаться след. Долженко говорит, удар по силе был мужской, но при состоянии отчаяния и женщина могла.

– А если кольцо сняли и одели новое? – высказал предположение Васенко.

– В этом случае след не совпадёт. Мне думается, если убийца мог бы свободно избавиться от кольца и свободно его заменить, он бы не стал искать бриллиант в одежде повара, тратить драгоценное время и подвергать себя опасности быть застигнутым... Ищи, Роман, это важно... У Эльзы забинтована рука, Галина говорит – на ней нет кольца, поэтому правую руки Эльзы не тревожь, а левую осмотри пристрасно. Она случаем не левша?

– Я с ней не ручкался, не знаю, но проверю, – Роман, приложив к виску два пальца, отсалютовав начальнику. По-гусарски щёлкнув каблуками, быстрым шагом удалился.

Исайчев вернулся в кабинет:

– Итак, вы сказали, что подсыпать цианид могла Эльза, так как имела к нему доступ.

Усачев молча кивнул. – Но при этом причины у фрау должны быть слишком веские. Скажите, по вашим наблюдениям, между Бурлаковым и Эльзой искрило?

Усачёв ответил без раздумий:

– Я не замечал. Всё было тихо. Бурлаков вообще старался сестру незадывать. Она истеричка. Чуть что, ножками начинает сучить. Но возможности у неё были. Хотя, что зря говорить, служила она ему истово, как-то ненормально. Могла за него загрызть... Ревность? Ревность! Ревность могла быть, пусковым механизмом Надумала себе чего-нибудь куриными мозгами...

– Ревность? – Михаил удивился – эта мысль не приходила ему в голову в отношении Эльзы. – Вы что хотите сказать, что у Олега Олеговича перед Эльзой были в этом плане какие-то обязательства?

– Нет! Что вы! Они брат с сестрой...

– Тогда вы себе противоречите. Эльза могла загрызть, а взяла и отравила. Из спортивного интереса, что ли? Она ведь терпела рядом с ним свою одноклассницу. И терпела много лет. Даже если предположить, что она догадалась о том, что Олег Олегович собирается развестись и жениться на другой женщине, разве статус Эльзы изменился бы? Её устраивал статус сватьи бабы Бабарихи при царе Олеге?

Неужели раньше у Бурлакова не было связи с другими женщинами, о которых она не знала.

– Бурлаков был ходок – я это подтверждаю... У него водились женщины, он этого никогда не скрывал, но и не бравировал. В банных компаниях подобных разговоров не поддерживал. Он был мужик с большой буквы, и женщины этим пользовались. Эльза, конечно, об этом знала...

– Ну, вот! – удовлетворённо крикнул Исайчев. – А вы говорите – ревность... Не стоит искать чёрную кошку там, где обитает чёрная собака – её в этом месте по обстоятельствам не может быть...

– Здесь вы правы. Эльза могла убить, если бы Бурлаков решил изменить её положение в фирме и при себе. Но она точно знала, что Бурлаков ни сам, ни тем более кому-либо не позволил бы что-то менять. Вовсе не потому, что братски любил её, а потому, что дал перед смертью её матери – своей тётке слово беречь и помогать Эльзе. Слово Олег Олегович держать умел. Хотя... – Усачев замялся, но неожиданно взмахнув рукой, добавил, – чего уж там! Теперь это уже значения никакого не имеет. Я обещал ему держать язык за зубами. После его гибели моё обещание не имеет большого смысла и я могу считать себя свободным от него. У Олега была тайна, которую он хранил. В этих обстоятельствах было бы преступно молчать.

– Так, – Михаил с интересом взглянул на Ивана Васильевича.

– Каждый год Олег Олегович приезжал в Сартов для встреч с женщиной, которую любил с детства. Где бы он ни был, он всегда возвращался в Сартов. Сначала их встречи были в гостинице, а последние пять лет – здесь, в резиденции губернатора, его давнего друга. Я сопровождал его всегда. На время их встреч из резиденции вывозилась вся обслуга и снималось видеонаблюдение. Кстати, здесь всё утыкано камерами, кроме спален – уважаю, местный губернатор приличный человек. И эта женщина сейчас здесь.

– Откуда вам это известно? – взволновался Михаил. – Об этом знали только я, эксперт Галина Николаевна и опер, сопровождавший вновь прибывших в гостевой дом. Он что, проговорился?

– Нет, нет! – Усачев энергично покачал головой. – После гибели Олега Олеговича я включил видеонаблюдение. Но вы не волнуйтесь, я единственный, кто видел её приезд. Я тогда ещё понял, что вы будете держать это в секрете.

– Почему вы решили, что это та самая женщина?

Усачев изумлённо вскинул брови:

– Неужели вы думаете, что я могу её с кем-либо перепутать?

– Фамилию, имя, отчество этой женщины знаете?

– Увы. Не был допущен...

– С какого момента пребывания здесь вы ведёте наблюдение? Вы делаете запись происходящего?

– Я включил аппаратуру через двадцать минут после слу-

чившегося... и выключил её после приезда гостыи и молодого человека. Запись есть. В резиденции первоклассная аппаратура.

– Почему выключили? – Исайчев недоверчиво взглянул на начальника охраны. – Чего испугались?

– Ваших секретов и испугался. Я не всегда был в аппаратной и не мог контролировать, кому из гостей захочется узнать, что записано на плёнках.

– Разве гости не знали, что видеонаблюдение отключено?

– Конечно, знали. Олег сразу предупредил, ещё за завтраком, что все могут расслабиться и вести себя как дома. Никто за ними следить не будет, и всё, что здесь будет сказано, останется между ними.

– Вы стерли запись?

– Конечно...

– Почему?

– Я поинтересовался, почему вы думаете, что кто-то тоже не захотел бы? После того как я стёр запись, у двери аппаратной крутился Брион и Ирина, а Эльза открыла дверь.

– Вы её заметили?

– Чувствовал, потянуло её духами. Я не успел среагировать и увидел только, как дверь притворилась. Но её духи не перепутаешь ни с чем. Только она пользуется очень редкими французскими духами Craon's Poivre. Это смесь из красного и чёрного перца, гвоздики и других пряностей. Флакончик стоимостью 2000 долларов. Эльза любит рос-

кошь. Запись момента приезда гостей стёр. И от греха подальше выключил всю аппаратуру.

– Вы уничтожили всё?

– Всё. Но я перекопировал на флешку то, что мне показалось интересным, приезда новых гостей на ней нет. Эксперт их так поспешно удалила, что я решил и мне не стоит афишировать свои знания о них. – Усачёв едва улыбнулся, приподняв уголки губ. – Это здесь. – Иван Васильевич вынул из кармана пиджака запоминающее устройство и протянул его Исайчеву. – И ещё я покомандовал – приказал всем до приезда полиции оставаться на местах. Гости вели себя ожидаемо: Ирина театрально преувеличивала своё горе, Эльза была в углу комнаты, Слаповскийпил корвалол, а Сара пребывал в полуобморочном состоянии, лёжа в кресле, мои ребята дежурили у въезда в резиденцию, я в аппаратной, повар на кухне.

– Какие у вас соображения по поводу смерти Гуидо? Кому он помешал?

Усачев задумался:

– Мне кажется, он появился не в том месте и не в то время. Вот и весь его грех. У Бурлакова и Гуидо один убийца. Вы думаете по-другому?

– Пока я только накапливаю информацию, чистить и сортировать её я буду позже, – Михаил снял очки и положил их рядом, давая глазам отдохнуть. Бессонная ночь в поезде и напряжённое утро давали о себе знать. – Иван Васильевич,

мы с вами поговорили об Эльзе. Остались Ирина, Слаповский, Брион. Давайте о них.

Усачев помолчал и неожиданно предложил:

– Посмотрите запись, Михаил Юрьевич, я думаю, у вас много вопросов отпадёт. Если останутся – приглашайте. Я расскажу, что знаю.

– Предполагаете, здесь есть ответы? – Исайчев взял в руку флешку и потряс ею в воздухе.

– Думаю, есть на многие...

– Хорошо, идите отдыхайте.

– Запись вы сейчас посмотрите? – Усачев встал, намереваясь выйти из кабинета.

– Да, я сделаю это сейчас. У меня к вам просьба – после того как капитан Васенко проводит вас до ваших апартаментов, извините, для всех один порядок, попросите его зайти ко мне. Скажите, я его жду...

Усачев подошёл к двери, обернулся и нерешительно спросил:

– Извините, Михаил Юрьевич, вы, когда я переступил порог кабинета, грозились кого-то убить, причём обоих. Может быть не нужно? У нас здесь и так убиенных хватает...

Михаил задумался, припоминая, и, вспомнив, рассмеялся:

– Нет-нет, это к данному преступлению не имеет никакого отношения. Я про свою жену и её любовника подумал...

Глаза Усачева округлились, приближаясь к размерам

плошки:

– На какое время намечено это мероприятие? Вы наше дело расследовать успеете? Вас посадят и мы здесь в ожидании протухнем, а у нас заботы в домах остались.

– Уверяю вас, мы уложимся... – серьёзным голосом, без тени улыбки ответил Михаил.

– Ну-ну, – притворяя дверь, покивал головой Усачёв.

Исайчев вставил в ноутбук флешку, откинулся на спинку стула, приготовился смотреть. На пятой минуте просмотра в кабинет вошёл Роман и молча встал за спиной Исайчева. На пятнадцатой минуте Михаил запись остановил:

– Ишь ты, по Питеру он погулять любит... красотами любоваться! Роман, нам нужен Сахно, – бросил он, каменея лицом.

– Кто? – шёпотом спросил Васенко, не в силах оторвать взгляда от застывшего на экране монитора изображения.

– Сахно. Помнишь, в прошлом нашем деле был одним из фигурантов глухой, но не немой программист. Он читал по губам... Он должен быть здесь через час. Найдёшь?

Васенко быстрым шагом направился к двери, но прежде чем открыть её, не утерпел, высказался:

– С виду божий одуванчик, ёшь твою медь! Однако вон какие коленца выбрасывает... Я найду Сахно. Сейчас двадцать два часа. Тебя это не смущает? Может быть, сначала позвонить, чтобы не испугать домочадцев?

Михаил молчал, думал. Роману пришлось повторить во-

прос. Исайчев встрепнулся:

– Да, да! Найди телефон и позвони. Рома, часы и минуты в нашем случае отменяются. Все остальные желания тоже. Спать будешь дома, когда дело закроем. Будут сложности, звони Корячку. Он кого надо подтолкнёт...

– Машину комитета могу взять?

– Бери, поторопись...

Когда за Васенко захлопнулась дверь, Исайчев включил запись. Он внимательно вглядывался в экран, несколько раз возвращал запись назад, прокручивал вперёд и опять возвращал назад, увеличивал и уменьшал изображение. Нажав на кнопку «стоп», Михаил резко, будто вытолкнутый пружиной, встал с кресла и, как мельница, размахивая руками, побежал по кабинету, разминая затёкшие руки и ноги.

За потемневшем окном взвыл ветер. Исайчев остановился, вгляделся в круговёрть, которую устроили в усадьбе взбесившиеся потоки воздуха с полей и такие же потоки с реки. Они, как два разъярённых быка, ударили грудью друг друга, отвоёвывая территорию. Взвихрились, раскачивая похожие на чёрные перевёрнутые колокола кусты. Пригнули к земле головы цветов на подсвеченных прожекторами клумбах. Привели в бешенство цветную, розово-голубую воду в бассейне, выплёскивая её через край. Поняв, что не одолеют друг друга, в бессильной злобе схватись за ветки старого чернеющего дуба, начали рвать их в разные стороны, воя неистовым воем: моё-ё-ё, уйди-и-и, убью-ю-ю. Однако покалечили

не противника, а отхватили старую сухую ветвь, бросили её на мощённую плиткой дорожку, покатали с треском и грохотом. Били ею по всему, что встречалось на пути. Покуражившись, сложили рваные крылья, нырнули в привычные норы – один под камень в степи, другой в прибрежный омут. Отломанная ветка дуба поскрипела, поныла от боли и затихла на большой переливающейся огнями клумбе, тут она была совершенно некстати. Только туча, наблюдавшая за битвой, пожалела ненужную никому ветку и разразилась обильным плачем. Постучала грустными каплями по стёклам открытых окон, заливая слезами подоконники, стекала на полы и там собиралась в лужи. Михаил прекратил нашествие нахальной воды, резко закрыл окно кабинета.

– Как в природе всё просто. Побушевала и затихла. Остала свежесть и прохладу. Почему же у людей всё так грязно и кроваво? И так всё непоправимо... – горько усмехнувшись, подумал Михаил и только тут услышал, что за дверью кто-то топтался, не решаясь войти.

Глава 6

– Хватит за дверью колготиться, входите! – крикнул Михаил, и тотчас в образовавшейся щели дверного проёма показалось востроносое лицо в рыжих конопушках и с рыжим кудрявым чубом, спадающим на лоб.

– Разрешите войти, Михаил Юрьевич, – обратилось лицо

к Исайчеву и, не дожидаясь ответа, вошло, дополнившись долговязой нескладной фигурой парня в синих джинсовых брюках и такой же рубашке: – Сергей Мамкин, ваш новый практикант. Выполняю приказ капитана Васенко.

– Какой приказ? – удивился Исайчев, – ты откуда взялся?

– Прислан к вам на побегушки полковником Корячком. Вы же всех оперов по домам отправили. Полковник Корячок в бешенстве. Но выговорить вам не решается. Боится сбить с тропы.

– С какой тропы? – удивился Исайчев.

– Он сказал, что вы вроде след взяли...

Михаил раздражённо хмыкнул:

– Васенко где?

– Роман Валерьевич уехал выполнять разыскную работу по вашему приказу.

– Ты с ним говорил?

– Так точно!

– Что он приказал тебе делать?

– Следить, кабы новый труп не образовался... Но пока велел проверить у всех руки, осмотреть все найденные на пальцах и в личных вещах ювелирные изделия. Если кольцо сняли или заменили, выяснить, что за кольцо, куда делось и сравнить следы... Цель – найти ювелирное изделие с выпавшим драгоценным камнем. Пояснений фигурантам не давать... По выполнению работы доложить вам, скрытно, без свидетелей...

– Как сработал, нашёл нужные драгоценности? – Михаил иронически улыбнулся, глядя на кислую физиономию Мамкина. – Понял, не нашёл...

– Руки у всех под лупой просмотрел, у тех, у кого кольца есть, все камешки пересчитал, все на месте, заставлял снимать кольца – следы совпадают... Обыскал чемоданы – тоже ничего. Я даже серёжки у всех проверил...

– С чемоданами и серёжками ты зря.

– Почему? – удивился Мамкин.

– Камешек выпал из кольца убийцы. Эксперт обнаружил его в волосах жертвы. Тебе Васенко не сказал?

– Не успел, очень торопился...

– Убийца не положил бы поломанное кольцо в чемодан. Он бы его выкинул или зарыл где-нибудь. Преступник знал, что камешек, найденный в одежде Гуидо, – улика. Он его искал, но не нашёл, посему должен был кольцо запрятать так, чтобы и мы его не нашли.

– Может быть, мне стоит поискать вокруг здания? – с сомнением в голосе спросил Мамкин

– Ночью? Ты не догадываешься, что бесполезно даже днём, – зачем спрашиваешь? Хотя в чемоданах Бурлакова стоит покопаться. Если кольцо очень ценное, такое, с которым жалко расставаться, то спрятать его могли там. Осмотри тщательно чемоданы и апартаменты Бурлакова. Хотя... – Михаил, выражая неуверенность, пожал плечами. – Вероятность ноль. Но для чистоты дела надо глянуть.

– Уже всё по сантиметрам осмотрел...

– Что-нибудь интересное нашёл? – усмехнулся Исайчев.

– Ничего. Он ведь чемодан не распаковывал. Хотя знаете, Михал Юрич, на кровати, на подушке, лежит аккуратно расправленный, но неаккуратно оторванный бант. Я полагаю, от женской блузки. Красивый такой: на голубом воздушном фоне маленькие как будто бархатные розовые цветочки. У моей мамы в молодости была подобная блузка.

Михаил отошёл от окна и, указав Сергею на стул напротив себя, сел в своё кресло:

– Ты сказал, неаккуратно оторванный, это как?

– Давайте я его сюда притащу, – вскочил практикант и уже рванул к двери.

– Тю-тю-тю, сядь на место! – поспешно вскрикнул Михаил. – Не смей его трогать, пусть лежит, как был положен. Я надеюсь, ты его в руки не брал? – Михаил попытался поймать ускользающий взгляд Мамкина. – Понятно, брал! Серёга, где же тебя учат, а? Как же так? Ты знаешь первое правило практиканта?

Мамкин набычился и молчал.

– Яйцо не должно считать себя умнее курицы. – Михаил поднял вверх указательный палец. – И даже если это и так, помни – яйца, в отличие от курицы, быстро протухают...

– Я только за кончик приподнял и увидел неровно оборванные нитки, как будто его с места пришива одним рывком содрали. Как по-другому я мог это понять? Хотя, вино-

ват. Надо было эксперта дожидаться...

– Ладно, мы Галине Николаевне ничего не скажем, води следующего фигуранта. Давай Эльзу, хочу на неё посмотреть.

Мамкин в нерешительности потоптался на месте:

– А если она спит? Ночь же... Ругаться будет. Мне сказали, она баба бешеная, брыкается как лошадь необъезженная. Их ведь даже накормить не успели. Новый повар, которого полковник Корячок из воинской части прислал, заморачиваться не стал, просто сварил макароны – никто есть не стал.

– Макароны с кетчупом? – сглотнув слюну, спросил Исайчев.

– С кетчупом... его там сколько угодно...

– Избалованные, однако, фигуранты. Ладно, иди, води её. Если спит, буди. Попробуем её в узду запрячь.

– После Эльзы кого приглашать? – вытянулся в струнку практикант.

– После Эльзы – макароны с кетчупом! Я тоже живой человек...

Как только за Мамкиным закрылась дверь, Исайчев поменял в диктофоне кассету и пристроил его на удобное место.

– Сбежал всё-таки Ромка, не захотел быть разводящим, лисья морда... – пробурчал Исайчев и вздрогнул, обернувшись на грохот отворяемой двери.

Эльза распахнула дверь рывком, толкнув её ступнёй, и, не спрашивая разрешения, вошла. Плюхнулась широким за-

дом на стул у бюро. Поёрзала и, не говоря ни слова, отставила его в сторону, выхватила взглядом кресло в дальнем углу кабинета, туда и направилась, унося с собой терпкий запах с нотками перца и корицы. Михаил молча наблюдал картину передвижения Эльзы и, как только женщина уселась и вопрошающе уставилась на Исайчева, спросил:

– Вам там удобно, Эльза Фридриховна?

– Я гражданка двух стран, поэтому по-русски вы можете обращаться ко мне сударыня Леманн, но лучше на немецкий лад – фрау Леманн. Я не любила своего отца, поэтому любое напоминание о нем мне неприятно, это понятно?

Михаил взял одной рукой оставленный Эльзой стул, в другую руку – диктофон и все это поставил рядом с креслом Эльзы, приладив диктофон на тумбочку у кресла.

– Это ещё зачем? – Эльза брезгливо показала пальцем на записывающее устройство.

Михаил, гася нарастающее в нём раздражение, учтиво и чётко выделяя каждое слово, проговорил:

– Я, фрау Леманн, провожу допрос свидетелей преступления. Пока свидетелей. Посему все наши разговоры будут записаны, после чего перенесены на допросные бланки, которые вы внимательно прочтёте и на каждой страничке распишитесь, это понятно?

Эльза кивнула и, надев на лицо ироническую гримасу, спросила:

– Вести допрос свидетелей в двенадцать часов ночи вам

позволяет закон? Это смахивает на druck.

– Welche Sprache werden wir sprechen? – усмехнувшись, уточнил Исайчев.

– Чево-о? – брезгливо сморщилась Эльза.

– Вы гражданка Германии? На каком языке предпочитаете говорить? – Выдавливая из себя оставшуюся учтивость, спросил Михаил.

– А давайте по-русски! Вам на ём более понятно? – ухмыльнулась Эльза.

– Тогда так. Мой рабочий день закончился в 18:00. Будем придерживаться Трудового кодекса? Дней на пять-шесть придётся вас задержать. Вас это устраивает? Вы хотите покинуть кабинет?

– Ну, что вы! – подстраиваясь под тон следователя, проворковала Эльза. – Как же быть с 48 часами? У меня на пять-шесть дней свежей одежды не хватит. Не ходить же мне в прокисшем белье?

Исайчев изобразил на лице растерянность и, для усиления эффекта поёрзал на стуле:

– О, фрау Леманн, вы хорошо осведомлены о сроках задержания. Но закон разрешает мне продлить их, если будет необходимость. В вопросе чистоты белья я могу оказать содействие. Вода в кранах вроде есть всегда, а по поводу тазиков я распоряжусь...

– Да, – ядовито ухмыльнулась Эльза, – я имею представление о законах. Хотя бы потому, что являюсь грамотным

пользователем интернета. Живя в цивилизованной стране, навыки стирки в тазиках давно утратила. Посему не занимайтесь самообразованием. Буду жаловаться!

Михаил удобнее уселся в кресле и, перекинув ногу на ногу, уверенно парировал:

– Считайте, что я самодур? Я самодур! Но вы уйдёте отсюда только после того, как я узнаю, кто из вас отравил господина Бурлакова. Мне думается, что вы в выяснении обстоятельств смерти вашего брата одно из самых заинтересованных лиц. Или я ошибаюсь?

– Нет, что вы! – поспешила оправдаться Эльза, – валяйте, спрашивайте... но учтите, если будите перегибать палку, я развоню на весь свет.

Михаил понял: Эльза отступила на шаг назад – и решил последовать её примеру, миролюбиво заметил:

– Где же вы видели у меня палку, фрау Леманн?

– Бросьте словоблудие. Приступим к делу! – вновь взъершилась Эльза.

– Представьтесь, пожалуйста. Назовите свои паспортные данные, – как можно мягче попросил Михаил, однако запах корицы его раздражал.

– Эльза Фридриховна Леманн, из немцев Поволжья. Родилась в городе Покровске Саратовской области. Мать – приблизительно русская, отец – немец. Имею двойное гражданство: российское и Федеративной Республики Германии. Проживаю постоянно в Германии, в Грюнвальде. Являюсь

двоюродной сестрой Олега Олеговича Бурлакова. Что ещё? Год рождения не скажу, сами в паспорте посмотрите... Меня удивляет, что я попала в разряд подозреваемых. Я его сестра. Я его сделала!

– Уточняю ещё раз – пока в разряд свидетелей. Вы его сделали, в каком смысле? – кашлянул в кулак Исайчев.

– Ну не в смысле слепила из пластилина. Я сделала из него того, кем он сейчас является.

– Являлся, – осторожно поправил Эльзу Михаил.

То, что произошло после замечания, Михаил предположить не мог: Эльза ногой мощно толкнула стул, на котором он сидел. Исайчев едва удержался. Вскочив, она прыжками побежала к двери, торкнулась, поняла, что дверь закрыта, побежала по комнате, размахивая руками и разбрызгивая в плевках слюну:

– Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы твой гадкий рот залило цементом. Являлся! Ох, ты, являлся... – она оскалилась и выплюнула, – он не только мясо, позвоночник и хрен, он дело, которое я помогала ему делать... Ходят тут, высматривают, учат меня жить! Пытают посреди ночи. Кодекс у него трудовой! Ты на рожу свою сытую ментовскую посмотри, рабочий! – и, срываясь на визг, заорала прямо в ухо, подскочив к Михаилу.

– Пошёл отсюда, засранец, пошёл. Пошёл...

Михаил с размаху влепил Эльзе пощёчину и в наступившей тишине негромко сказал:

– Если ты, фрау Эльза, ещё раз закатаешь истерику, устроишь цирк, я решу, что ты убила Бурлакова. Повешу на тебя всех собак и посажу лет на пятнадцать в русскую тюрьму. Сейчас начало осени, но там всё равно жарко, а кондиционеров нет. И соседки твои по нарам научат тебя, как разговаривать со следователями. Так что сядь вот на этот стульчик и отвечай на мои вопросы. И не дай бог тебе повисить голос хотя бы на тон, это понятно?

Эльза застыла, в упор глядя на Михаила, медленно разжала побелевшие кулаки, передёрнула плечами и на цыпочках подошла к стулу, который Исайчев вернул на прежнее место к бюро, села и, мотая головой, тихонько пробубнила:

– Это понятно... это понятно... это понятно...

Исайчев взял в руки телефон:

– Вызываю санитаров, русского языка не понимаете...

Эльза ещё раз передёрнула плечами, улыбнулась, и как ни в чем не бывало произнесла:

– Хорошо, спрашивайте... дальше.

– Расскажите, фрау Леманн, что вас связывало с Олегом Бурлаковым и что значат ваши выражения «я его сделала» и «приблизительно русская».

– Как вы думаете, если у моей мамы в паспорте национальность – русская, а у её родной сестры – немка, то национальность получается «приблизительно русская». Теперь по поводу «сделала». Мы с ним выросли в этом городе. Олег на год меня моложе и с детства был лентяем, лежебокой

и свистуном. Я в том смысле, что всё мог просвистеть с друзьями и подружками.

– Вы имеете в виду деньги?

– И деньги тоже, но главное – просвистывал драгоценное время, которое он мог потратить на учёбу, чтобы в будущем зарабатывать те же деньги. Я в то время тоже посвистывала, но вовремя очнулась. Тогда мы на семейном совете решили – поступать он будет в военное училище. Там из него сделают человека, ну дисциплина и всякое такое... Между прочим, про училище предложила я. Я ему и жену выбрала...

– Да-а-а?! – изумился Исайчев. – Он сам в этом смысле инициативы не проявлял?

Эльза положила ногу на ногу, откинулась на спинку стула, переплела руки на груди и тоном победителя сказала:

– Да вы чё? У него этих вертихвосток было по три пучка одновременно. Вы же видели Олега. Мачо, а в молодости был неотразим: красив, высок, белокур, правда кареглаз, чуть-чуть до натурального арийца не дотянул. Девки за ним табунами бегали, только подковы цокали.

– Сам Бурлаков всерьёз в кого-нибудь влюблён был? Я имею в виду, без вашего спроса.

Леманн задумалась, припоминая, и решительно заявила:

– Олегу неведомо было чувство любви. Он и Ирину не любил, терпел. Показывал её своим партнёрам и с удовольствием наблюдал, как у них слюни текут, а сам нет, не любил.

– А вас?

– Меня? – Эльза жеманно пожала плечами и, добавив в голос переливов, произнесла, – нас с Олегом держали в узде близкородственные связи. Если бы не они, у нас могли бы быть красивые дети. Но мы боялись гемофилии... Олег относился ко мне трепетно. Я главный советчик. Последнее слово всегда за мной. В обиду меня никому не давал, в общем, любил, – и, спохватившись, добавила, – по-братски, конечно...

– Как планируете жить дальше?

– Я обязана исповедаться? – и взглянув на Михаила, вздохнула. – Поняла, должна. Ещё лет пять-шесть тому назад мы с Олегом обсуждали его завещание...

– Даже так? – удивился Михаил.

– Даже так! – с вызовом повторила Эльза. – Основной капитал достанется дочерям, естественно до поры до времени под присмотром ряда доверенных лиц, там целый список. Ирине ежемесячное достойное содержание, дом в Питере, вилла в Атлантическом океане на острове Онс у берегов Испании. Мне, естественно, завод одноразовых шприцов под Мюнхеном, усадьба там же, ну, в общем, всё то, чем я пользуюсь сейчас... Ничего нового, но мне и этого более чем достаточно. Я ведь Олега любила не из корыстных соображений, а так... Миленький мой, я совершенно не жадна...

– Да, да, – махнул рукой Михаил, останавливая поток слов. – Вам и корочки хлеба достаточно... И давайте с «миленького» всё же перейдём на имя отчество – Михаил Юрьевич.

Эльза напряглась и начала, как дрожжевое тесто в тёплом месте, увеличиваться в объёме. На Михаила пахнуло чем-то прокисшим, перемешанным с перцем и пряной травой.

«Пот!» – поморщился Михаил. Приказал сквозь зубы, потирая ладонь об ладонь.

– Сидеть!

Тесто обмякло.

«Несладко приходится людям рядом с фрау, – подумал Исайчев, – или умело играет, или на самом деле истеричка и психопатка. Надо дать Копилке послушать запись допроса. Она в таких дамах разбирается».

– Фрау Леманн, расскажите, что произошло в это утро, как вся эта ситуация видится вам.

– Можно я немного похожу, – Эльза встала, – у меня ноги затекли и задница. Не могу долго сидеть на жёстком. Давайте откроем окно, дождь уже прошёл...

Исайчев встал и с удовольствием открыл окно, впустил в кабинет запах ночи, влажных, напоенных дождём цветов и мокрых мозаичных плиток, ковром застилавших площадку под окнами кабинета.

«Я понял, почему мне понравилась моя случайная попутчица в поезде, – подумал Михаил, – от неё так же, как от Копилки, пахло чистотой...»

Эльза медленно шла по кабинету губернатора, рассматривая шкафы с книгами, напольные вазы, корябала их пальцем и так же медленно, как будто жевала жвачку, говорила:

– После завтрака мы все разобрались кто куда – хотелось посмотреть, как живут и жируют местные власти. Мне не понравилось. Через какое-то время раздался первый гонг – это значило, что скоро будет подан кофе. Мы с Иркой забежали на кухню к Гуидо напомнить ему, что я пью кофе чёрный бразильский с тёртым грецким орехом, Ирка – глясе – это кофе, накрытый пенкой из взбитых с сахаром яичных белков. Когда мы входили в кухню, из неё вышел Слаповский, Гуидо сказал, что он приходил предупредить о том, что его кофе не должен содержать кофеин.

Пока Эльза говорила, Михаил рассматривал её фигуру: узкие плечи, совсем плоская грудь и массивные бёдра с такими же массивными ягодицами. Эльза была похожа на медленно ползущую улитку, волокущую за собой свою раковину. Ярко-красная с жёлто-синей каймой юбка, начинающаяся на бёдрах, спадала жатыми воланами до самого пола и делала раковину ещё массивнее. Белый кружевной топик едва прикрывал детские груди и открывал живот, показывая родовую ямочку. Выющиеся рыжеватые волосы фрау Леманн убрала в хвостик, который при движении Эльзы дрожал, как хвост у замёрзшей болонки.

– Вы переоделись? – машинально спросил Исайчев, следуя своим мыслям, уж больно фривольным был костюм у фрау.

Эльза фыркнула, взяла обеими руками подол юбки, поцыгански потрясла им:

– Ваша хамоватая экспертша буквально содрала с меня всю мою парадную одежду. Ей, видите ли, нужно её проинспектировать, и я вынуждена была облачиться в пляжный костюм. Мы ехали сюда только на два дня, и Алька, то есть Олег Олегович, обещал по окончании встречи пикник...

– Так, – сурово произнёс Михаил, – далее, кто ещё был в кухне, когда вы туда зашли?

– Там как всегда ошивался Сагочка, ну это понятно, пришёл поведать любимого. Они о чём-то шептались у окна. Старались от нас отвернуться, чтобы мы не слышали их голубеньких секретиков, мерзавцы. Почему их терпел Олег?

– Наверное, у него были свои резоны. Мне сказали, Сайрус хороший адвокат и выиграл для Бурлакова ряд процессов. Олег Олегович поделился с вами, какого толка будет его сегодняшнее сообщение, для чего он вас собрал? Раньше такое бывало?

– Конечно. – Эльза задумалась. – Но раньше мы все собирались в Питере. У нас там головное предприятие. Туда приезжали и канадские, и немецкие, и сербские директора. Здесь встречаемся впервые. Но я рада. Это город нашего общего детства... Колыбель, так сказать... Перед завтраком зашла за Олегом в его номер, хотела помочь ему распаковать чемодан, но там уже торчал Сайрус. Они изучали какой-то документ. Попросили удалиться. Обычно у брата от меня не было секретов. Вероятно, Олег хотел преподнести нам всем сюрприз... Так вот... кофе, хотя мы его даже попробо-

вать не успели, все кроме Олега... – Эльза присела на облюбованное ею кресло и закрыла лицо руками. – Как страшно, господи. Вы же найдёте убийцу? Его должен покарать земной суд... он обездолил нас всех... Как дальше жить?

Михаил встал, ему также захотелось размять затёкшие ноги. Подошёл к Эльзе, дотронулся до плеча:

– Я приношу вам свои соболезнования, Эльза Фридриховна. Что вы думаете о смерти Гуидо, кто мог его убить?

Эльза вытерла ладонями мокрые щёки:

– Здесь всё просто. Гуидо убил любовник. Приревновал его к охраннику. Я однажды в Питере наблюдала подобную картину. Сагочка орал как потерпевший. Обвинял Гуидо в том, что тот заигрывает с охранником, и в итоге разбил ему нос. Сейчас он разбил ему голову...

Михаил остановился, будто споткнулся и замер от неожиданной фразы Эльзы. Он знал – никто кроме него, Долженко, Васенко и оперативного работника не видел тела Гуидо. Уволили его в закрытом целлофановом мешке. Старались работать скрытно, лишних людей заранее удалили.

– Откуда вы, фрау Леманн, знаете, что Гуидо убили ударом по голове?

Эльза внимательно посмотрела на Исайчева, на секунду замешкалась:

– Вы подлавливаете меня, да? За стенкой моей комнаты комната Сайруса, Нам всем сообщил ваш следователь, кажется, Васенко, что обед задерживается по причине смер-

ти Гуидо. Видимо, Сайрусу он сообщил подробности, и тот орал много чего, в том числе и про разбитую голову. Он так вопил, оглашая окрестности, что невозможно было не слышать. Но я уверена – это всего лишь игра. Сайрус бо-о-ошой артист. Так вот... я продолжаю, когда Гуидо принёс поднос с кофе...

Михаил неожиданно оборвал Эльзу:

– Достаточно, я знаю, что было дальше. Вы свободны. Идите досыпать. Прошу никуда не заходить, только в свои апартаменты. Делиться впечатлениями о допросе тоже воспрещается. Если ослушаетесь, придётся закрыть вас на ключ, это понятно?

Эльза кивнула и вышла, осторожно затворив за собой дверь.

Михаил шёл по кабинету, рассматривая находящиеся в нём вещи и мебель. Рассматривал без интереса, пока не увидел китайского болванчика. Тот, развесив пузо, молчал круглой головой из стороны в сторону, улыбаясь ртом до ушей и прищуривая хитрющие глазки.

– Издеваешься, поросёнок? – спросил Михаил, глядя на болванчика. – У тебя в голове появились какие-нибудь мысли, ты же видишь и слышишь то же, что и я?

Болванчик в ответ покачал головой из стороны в сторону:

– Я так и думал. Время, время поджигает. С чужими работать не могу. Роман ещё не приехал. Надо звать Ольгу. Я что запаниковал?! Нет! – Михаил взмахнул рукой, отгоняя

неприятные мысли. – Пока просто позвоню Копилке, дам послушать фрау Леманн. Ух, какая неприятная баба... – Михаил набрал номер и, как только услышал родной голос, спросил:

– Оля, я знаю – ты не спишь! Можешь кое-что послушать? Завтра у тебя свободный день? Отлично! Но послушать надо сейчас, это не долго. Завтра поутру мне нужно будет твоё готовое мнение. Я сейчас пойду на кухню, наемся макарон, а тебя подключу к диктофону. Послушай, родная, это допрос Эльзы – двоюродной сестры Бурлакова.

Получив одобрение, Михаил подключил диктофон к своему телефону. Закрыв кабинет на ключ, двинулся в столовую, в животе урчало от голода, во рту пересохло.

Глава 7

Оказалось, что кашевар, откомандированный из воинской части был отозван и хозяин резиденции прислал своего. Губернаторский повар постарался, накормил от души. Помимо Михаила в столовой в этот час оказались все фигуранты, кроме Слаповского. Они энергично поглощали предложенные яства. За столом Михаил разглядывал Ирину, если бы не запись на флешке Усачёва, Исайчев, вероятно, восторгался бы её красотой: широкие чёрные брови обрамляли круглые с тёмными зрачками и коричнево-жёлтой радужной оболочкой глаза. Глаза небольшие, но восхитительные были

очерчены длинными, кидающими тень на подглазья ресницами. Крупноватый с тонкой спинкой нос и пухлые свекольного цвета губы на узком овальном лице делали Ирину похожей на восточную красавицу. Женщина, грациозно отведя мизинчик от изящной фарфоровой чашки, допивала чай.

«Чудо как хороша, – подумал Михаил, – просто сатана в юбке! Интересно, знал ли Бурлаков то, что сейчас знаю я?»

Исайчев отвёл взгляд и тут же наткнулся на насмешливый взгляд Эльзы, она подняла руку и слегка пошевелила пальчиками. Михаил сделал вид, что не заметил этого.

Насытившись куриным супом и хорошим прожаренным куском баранины, Михаил выпил ещё чашку ароматного бодрящего кофе. Он решил немного посидеть в столовой, посмотреть, как общаются между собой фигуранты. Ирина с Эльзой почти не разговаривали, старались не смотреть друг на друга. Сайрус ужинал как на строгом официальном приеме – держал спину ровно, сидел на краешке стула, устремив взгляд в никуда. На его лице блуждала загадочная улыбка. То ли он вспоминал что-то приятное, то ли предвкушал, то ли ему просто нравилось то, что он ел. Михаил подумал, что Галина Николаевна на счёт Сайруса была права, он сейф за семью печатями. Его не сразу поймёшь, профессионал! Усачев поглощал пищу, энергично двигая челюстями, поднимал и опускал голову, взглядом инспектируя тарелку. Исайчев вспомнил фразу, когда-то обронённую Ольгой: «Человек ест ровно так, как думает. Некоторые медленно и об-

стоятельно, некоторые урывками, а некоторые перекусывают на ходу бутербродами и не думают ни о чём, потому что думать им нечем. Но есть совсем отдельные люди – они едят кашу...». Михаил улыбнулся, вспомнив шутливое замечание жены, и встал, направляясь на рабочее место, в дверях столкнулся с Эльзой:

– Прошу прощения, господин следователь, – язвительно улыбнулась сестра Бурлакова, – заметила, с каким удовольствием вы лицезрели вдову. У вас хороший вкус... вы стареете...

– Не понял! – удивился Михаил.

– Юноши вожделеют любую женщину, зрелые мужчины вожделеют красавиц, когда у мужчины появляется хороший вкус, он стареет...

– Позволю себе с вами не согласиться, фрау Леманн, я чувствую бодрость и полноту сил. Имею молодую и очаровательную жену, на других красавиц смотрю с удовольствием, как на произведение талантливого художника, не более того... Вам я посоветовал бы сменить духи, они вас старят. Но я не напрасно сказал «посоветовал бы», вам ничего не хочу советовать, ходите так. Теперь, внимание, вопрос: вы послушались меня и пошли в столовую, а не в свои апартаменты. Почему?

Эльза возмущённо вскинула плечи:

– Ну, я пока ещё жива. И так же, как и вы, элементарно хотела жрать.

Она повернулась и быстрым шагом пошла по коридору. Дойдя до своей двери, все же обернулась. Михаил поднял руку и слегка пошевелил пальцами. Эльза фыркнула, вздёрнула в негодовании плечо и так, перекосясь, скрылась за дверью. Исайчев вынул из кармана телефон, набрал номер:

– Сергей, води вдову. Я готов к допросу... Ирина в столовой.

Войдя в кабинет, он увидел, что Ольга прослушала запись и дисплей его телефона ушёл в режим ожидания.

«Позвоню утром, пусть поспит», – подумал Михаил, с удовольствием представляя лицо жены.

* * *

Ирина вошла в кабинет с самой очаровательной улыбкой, какая только имелаась в её арсенале. Исайчев отметил, что к её светлому брючному костюму был добавлен чёрный траурный шарфик, в столовой его не было:

– Откуда? – Михаил взглядом указал на появившийся аксессуар.

– Шейный платок Сайруса, – вздохнула Ирина, – Брион передал мне его в столовой.

Вдова всхлипнула, затуманила взор траурной дымкой:

– Я не была готова к такому повороту событий... Не представляю своего дальнейшего существования. Мои девочки

так любят отца...

– А Брион получается был готов, раз захватил скорбный шарфик? – усмехнулся Исайчев.

– Нет, что вы! – испугалась Ирина. – Он всегда возит с собой целую коллекцию платков.

– Ирина Витальевна, наш с вами разговор будет записан на диктофон...

– Я возражаю! – лениво сказала Ирина и встала со стула.

– Ирина Витальевна, прошу вас сесть, – попросил Исайчев.

– Нет, нет! Отпустите меня или уберите диктофон. Я под запись беседовать не буду...

– Сядьте, Ирина Витальевна, – вновь попросил Исайчев.

Но вдова, невзирая на просьбу Михаила решительно двинулась к двери и, подойдя, тихонько пальчиком поскребла облицовку.

– Откройте дверь, – едва слышно сказала она. – Иначе буду кричать, а потом скажу, что вы меня пытались изнасиловать... – она мило улыбнулась и добавила, – я не шучу...

Михаилу вновь пришлось извлечь из кармана телефон и набрать номер:

– Мамкин, мигом в аппаратную. Включи в резиденции аппаратуру наблюдения, а главное видеозапись моего кабинета!

Ирина резко отошла от двери, села. Лицо её выражало удивление пополам с вопросом:

– Я надеюсь, раньше видеозапись не велась?

Исайчев неопределённо пожал плечами.

– Как! – повысила голос Бурлакова. – Нам обещали...

– Ну, раз обещали, то, наверное, не велась...

Ирина безразлично махнула рукой:

– Хватит наводить тень на плетень, мой муж не позволил бы за собой подглядывать. Выключайте свой диктофон и спрашивайте под протокол, повторяю: под протокол. Что вы хотели? Надеюсь, беседа будет недолгой, – она посмотрела на часы, – светает, очень устала, с ног валюсь... Ну?

– Нет, уважаемая, теперь мы подождём моего помощника. Сейчас он отзвонится и начнём.

В замке двери послышался поворот ключа, и в кабинет заглянула физиономия в рыжих конопушках. Практикант Мамкин моргнул обоими глазами и исчез.

– Теперь можно! Представьтесь, пожалуйста, – попросил Исайчев. – Вынужден предупредить, что всё, что в данный момент происходит в кабинете, фиксируется в аппаратной на плёнку видеозаписи. Причём отныне запись будет вестись везде и всегда. Можете посплетничать об этом с другими.

Ирина, неожиданно для Исайчева, равнодушно пожала плечами, зевнула, прикрывая рот ладошкой.

– Итак, Ирина Витальевна, слушаю вас.

– Я, Ирина Витальевна Бурлакова, вдова убитого Олега Олеговича, по национальности еврейка, гражданка России и Германии. Мать двоих детей – дочерей Инги и Улья-

ны Бурлаковых. Постоянное место жительства Санкт-Петербург, улица Большая Морская. Что ещё?

– Назовите, пожалуйста, причину, по которой вы никогда не убили бы своего мужа.

Ирина с изумлением посмотрела на Исайчева:

– Как вы сказали?

– Я спросил, по какой причине вы никогда бы не убили своего мужа? – чеканя слова, повторил Исайчев. – Или всё-таки убили бы?

– О как! Отвечу по-еврейски, вопросом на вопрос: зачем?

– Хочу знать, хотелось ли вам когда-нибудь убить своего мужа. Говорят, у жён периодически возникает это желание, но что-то их останавливает. Хочу узнать, что останавливало вас?

– С его убийством в моей жизни ничего не изменится, – Ирина устало прикрыла глаза. – Почему вам неинтересно, по какой причине я не хочу говорить под диктофон, а под протокол согласна?

– Я знаю. Вы хотите зафиксировать свои ответы, но не эмоции. Эмоции хорошо проявляются в голосе, в интонациях, в паузах... Вы человек, привыкший вести себя по собственному усмотрению и не ограничиваться ни в чем. Вы плохо справляетесь с объективными эмоциями и это может играть против вас. Я прав?...

– Объективными? – Ирина открыла глаза и с интересом посмотрела на Исайчева

– Да, да именно объективными. Эмоции имеют две стороны – субъективную и объективную. Субъективная сторона – это внутренние переживания. Объективная – внешние проявления. Внешние эмоции прорываются у вас помимо вашей воли и выдают вас с головой, особенно мелкие детали: всхлипы, вздохи, хмыканье, тон речи.

– Тогда чего? Если для вас эта мысль доступна, то выключите к чёрту этот ваш диктофон!

Михаил обвёл глазами кабинет и, едва наметив на лице улыбку, ответил:

– Вот здесь, сударыня, я могу позволить себе вести себя как хочу, – Михаил специально выделил голосом местоимение «я». – Ограничиваюсь только рамками закона. Закон в данный момент позволяет мне вести допрос под запись. Вам эта моя мысль доступна?

– Тогда я требую адвоката... – Ирина опять зевнула и, вытянув ноги, расслабилась.

– Видите как сладко вы зеваете. Делаете вид что вам всё равно? Хотя в данный момент как раз вам и не должно быть всё равно. Вы что-то неумело скрываете? Что?

– Спать я хочу! Просто устала. Ночь на дворе. – Хочу адвоката, пусть он мозгами пошевеливает.

– Поясняю, Ирина Витальевна, что свидетель, а вы в данный момент свидетель, не может воспользоваться помощью адвоката. – Исайчев старался говорить, не повышая голоса. – Участие юриста при допросе свидетеля в соответствии

с положениями Конституции РФ существа дела не меняет, так как юрист лишь присутствует при допросе, но правами защитника не наделён. И ещё... вы хотите, чтобы завтра вся пресса и интернет гудел об убийстве вашего мужа, а хозяин резиденции попал в неловкое положение? Независимо от того, что вы сейчас мне ответите, мы с вами выйдем из усадьбы, только тогда, когда я найду убийцу. А потом жалуйтесь, куда хотите и как хотите. Итак, продолжим вашу фразу: «С его убийством в моей жизни ничего кардинально не изменится». Почему?

Исайчев видел, как в глазах Ирины возникал огонь, зрачки расширились, у глаз наметились морщинки:

– Как всё это скучно. Вы прекрасно понимаете, что его смерть мне ни к чему. Да, с ней в моей жизни по большому счёту ничего не изменится. Хотите, чтобы я сказала почему? Пожалуйста! Но это долго...

– Ничего, потерплю...

– Я пошла за Олега по большой любви, думала, её хватит на нас двоих. Страсть, с которой Олег был со мной в первую ночь, больше никогда в нём не вспыхивала. Как родила девочку? Не пойму... Хотя, о чём я? На это много времени не требуется. Олег относился ко мне... – вдова задумалась, подыскивая сравнение, и, не найдя его, выкрикнула, – он никак ко мне не относился! Вот к попугаю он относился! Подходил к клетке, тербил его хохолок и говорил всегда одну и ту же фразу: «Ну и дураки мы с тобой, Попка!» Мне он

не говорил вообще никаких слов... Он со мною вовсе не разговаривал... Трахал периодически, чтобы сбросить напряжение, а разговорами не удостаивал... Денег на мои «хотелки» не жалел. Мне казалось, что даже дочек он не любил. В родильный дом за мной приезжал его помощник. Он всегда был на очень срочных и важных переговорах. Бизнес – вот то, что ему дорого, – Ирина вздохнула и поправилась, – было дорого. Его любимая фраза: «Мужик должен делать дело». Знаете, мне кажется, со мной он не разводился именно потому, что не хотел делить этот свой бизнес. И что, по-вашему, у меня изменится с его гибелью? По-человечески мне его жалко, но... все человеческое из меня давно вытекло... – Ирина замолчала и отвернулась к окну.

Пауза затянулась, и Исайчев решил прервать её вопросом: – Кто, по-вашему... – закончить фразу не удалось. Ирина смотрела не на него, а перевела отрешённый взгляд в угол комнаты. Исайчев обернулся, но ничего особенного там не заметил.

«Иногда и я ищу затерявшиеся мысли и воспоминания по тёмным углам», – подумал Михаил, а вслух произнёс:

– Ирина Витальевна, ау!

– Если бы он шевельнул пальцем в мою сторону, – тихо, будто сама себе заговорила вдова, – хотя бы раз позвал, как мужик, как любящий мужик... Он на второй день после свадьбы поставил передо мною задачу: для моего бизнеса нужно, чтобы ты выглядела красивой с восьми утра до полуночи.

Я старалась... – Ирина вскинула на Исайчева полный ненависти взгляд. – Однажды перестаралась, он швырнул меня одетую, с макияжем в бассейн, крикнул: «Вымойся, воняешь! Духи должны быть строже, не как у шлюхи». Уехал, вернулся через неделю, подошёл ко мне, повёл носом: «Теперь хорошо. Умеешь, когда хочешь...» И всё... даже не извинился, скотина...

– Вы изменяли мужу?

– Никогда... никогда... Я ему была верна, как Пенелопа...

– Кого подозреваете в убийстве?

– Из тех людей, что сейчас находятся в резиденции, никого... Из них никто не мог...

– В этом случае Олег Олегович остался бы жив.

– Да-да, – согласилась Ирина, – но о себе я знаю точно: я этого не делала. Эльза – убьёт любого, кто подойдёт близко к её кумиру. Усачев – никогда. Он ему более чем обязан и его ребята тоже. Сайрус с Гуидо? Зачем им это? Сайрус адвокат, и Бурлаков у него единственный крупный клиент. Люди из списка журнала «Финанс» обычно стараются не мараться голубыми связями. Это одному Бурлакову было до фонаря. Для него главное, что у Бриона отлично варит голова. Остальное не в счёт. Сайрус ценил это. Гуидо? Я не слышала, чтобы повара такого уровня травили своих клиентов... Гуидо входил в WACS – Всемирную сеть ассоциаций поваров, он лучше руку себе отрубит, чем навредит клиенту. Вылететь из поварского сообщества легко,

обратно войти невозможно, а Guido потомственный повар. И даже мои куриные мозги понимают, что смертью он доказал свою непричастность. Разве нет? Слаповский? Мог! Но не в этот раз...

– Отчего же?

– Он ненавидел Олега...

– Было за что?

– Было. Давняя история, он ему мстил. Гадко, мелко, постоянно. Этим тешил себя. Подпитывался энергией мести. Ему убить Олега – означало лишиться удовольствия пако-стить ему. Знаете, как иногда официанты плюют в тарелку не понравившемуся им клиенту. Плюнет и смотрит, как тот ест. Клиент ест, а у официанта оргазм. Так и Слаповский. Но всё же самой большой его мечтой было рассказать о своём плевке Альке. Он ждал момента. Лешка локти себе грызёт от обиды, не успел... Ну, не успел сказать! Алька ушёл, так и не узнав о его исполненной мести...

– ?

Ирина замахала сразу обеими руками:

– И не вопрошайте! Это не имеет к убийству Бурлакова никакого отношения. Я сказала всё, что сказала, только для того, чтобы вы поняли – Алексей не убивал Олега. Не тратьте понапрасну время на него.

– Вы свободны, идите к себе, – неожиданно произнёс Ис-айчев.

Он подошёл к двери, открыл её ключом и, увидев удив-

лѐнное лицо вдовы, пояснил:

– Наша беседа не закончена, она возобновится позже... идите...

Ирина лениво встала, потянулась и, приблизившись к следователю, подняла руку на уровень лица Михаила, пошевелила указательным пальцем из стороны в сторону:

– Даже не думайте, вам не удастся вывести тайну Слаповского, по крайней мере, сейчас...

Михаил легонько подтолкнул Ирину за дверь:

– А вот Алексей Иванович рассказывает о вас с бóльшим удовольствием, чем вы о нём. Причѐм мно-о-гое, мно-о-о-ое... Я позднее дам вам послушать запись. Идите...

Он с потаѐнным удовольствием увидел изумлѐнное лицо Ирины и захлопнул перед ней дверь.

Покружив в режиме быстрой пробежки по кабинету, Михаил присел на удобный мягкий диван и, откинувшись на подушки, посмотрел в окно. Там, к сожалению, не было тополя – дерева, которое за окном его рабочего кабинета в Следственном комитете помогало думать. Оно медленно покачивало могучими ветвями и переводило похожие на бурную метущуюся реку мысли Михаила в спокойное русло.

– Она не так глупа, как мне показалось вначале... – Ис-айчев пытался подавить досаду, возникшую после разговора с женой Бурлакова. – Где же этот пройдоха Роман Валерьевич, долго он ищет Сахно. Неужели Сергей Викторович, отсудив наследство у своих неожиданно обрѐтѐнных родствен-

ников, уехал из города. Придётся искать переводчика, а это долго... Времени совсем нет...

На бюро завибрировал телефон. Дисплей высветил надпись «Копилка». Михаил с радостью нажал зелёную кнопку:

– Привет, родная! Почему не спишь? Уже светает...

– Мцыри, мне не даёт покоя запись допроса Эльзы. Она не просто истерит, она делает это осознанно, специально. Эльза чего-то боится. И потом, Мишка, ты что её треснул? – голос Ольги звучал недовольно.

Она не видела, как Исайчев, припомнив этот момент допроса, начал в гневе раздувать щёки, но она услышала в трубке грозное сопение мужа.

– ...Так... так... так, я чего думаю-то... – виновато пропела Ольга, – наверное, я тоже треснула бы... Но это нехорошо! Отвратительно это!

Михаил радостно хмыкнул.

– Теперь по делу... – Исайчев представил, как Ольга виновато улыбается, – Эльза обманывает тебя, Миша, не верь ей. Она отвлекала твоё внимание. В результате достигла того, что хотела, ты не понял, что она боится.

– Отчего-же, я уяснил – она показывает спектакль и врёт, – в сердцах бросил Михаил.

– Не врёт, а обманывает, – поправила мужа Ольга.

– Хрен редьки не слаще, – раздосадовался Исайчев.

– Знаешь, чем обман отличается от вранья? Обман – заранее подготовленное действие, а враньё – импровизация. Она

готовилась к вашей беседе и боялась проговориться. Только о чём? Обрати внимание на постоянно повторяемую ледяным тоном фразу «Это понятно». Фраза, типичная для людей, привыкших к послушанию других. Эльза тверда не только тоном, но и духом. Этаким железный столб, и вдруг истерика! Почему? Ты не сказал ничего такого, что могло её вывести из себя. Следующее: она с детства положила на Бурлакова глаз – предложила отдать его в военное училище, спрятать подальше от вольной жизни. Она любит его. Давно и болезненно. Раньше Эльза, вероятно, боролась с этим, понимала безысходность чувства, но ничего не смогла с собой сделать. Она, как могла, изолировала его и приучала к своему контролю. Но он, понимая это, упирался. Бурлаков, насколько я знаю, недолго в армии пребывал – училище и полгода в военном институте в Харькове. И всё – сбежал! Почему? Потому, что это было не его. Сначала он утёк от гнёта семьи в другой город. А затем вообще обустроился сам по себе. У них в семье разве кто-либо занимался бизнесом? Мать и сестра матери – врачи, отец – военный врач.

– Откуда ты знаешь? – удивился Михаил.

– Поползала по интернету, кое-чего наскребла. Эльзу он не любил, удалил от себя – посадил в усадьбе под Мюнхеном. Вроде работой не обременил, но на привязи держал подальше от себя. Комфортную жизнь преподнёс на тарелочке. Всё оплачивал, чтобы не ныла под боком.

– Убить она могла? – поспешил спросить Михаил, – как

тебе кажется?

– Каждый человек может убить, если его поставить в соответствующие обстоятельства...

– Уклончиво... Ты говоришь, она обманывает – соображения на этот счёт есть?

– Соображения? – Ольга затихла и, помолчав минутку, добавила, – она тщательно скрывает своё отношение к происходящему. Мечется. Эльза должна быть, умирать от горя, рвать на себе волосы и выказывать прочие атрибуты безысходной тоски, а она куражится. Зачем? Мне кажется, она знает больше, чем говорит. Она наблюдает за происходящим. Хочет что-то понять. Ждёт чего-то. Вот пока всё. Приглядывайся к ней. Она к тебе приглядывается. Очень интересный экземпляр. Пойду, подремлю чуток. Тебе-то удастся немного поспать?

– Нет, родная. Здесь много заморочек. И спать совсем не хочется. Пока! – Михаил нажал кнопку «отбой». Присел в кресло, пододвинул пепельницу, закурил и подумал, как сильно отличаются друг от друга две последние ночи. Ночь в поезде и эта. Предыдущая, полная радости, и эта – тяжёлая полная горя. Или нет! – с удивлением подумал Михаил, – здесь вовсе нет горя. Здесь раздражение и равнодушие. Как он с ними жил? Будь я на его месте, уполз бы.

Михаил неожиданно вспомнил песню, которую пела в поезде Бэмби:

Молчишь...

Ты очень занят? Знаешь, мне опять...

Не спится как-то под тяжёлым влажным небом.

Листвой цветастой застелю свою кровать.

Я поняла, что листопаду сон неведом.

Глава 8

Допросить Сайруса Бриона Исайчев решил в его апартаментах. Постучавшись в дверь и услышав придушенное: «Войдите...», Михаил вошёл. На взбугрённой постели лежал в одежде адвокат Сайрус Брион. Лежал, уткнувшись лицом в скомканную простыню, служившую ему не только убежищем для страдания, но и носовым платком.

– Чего вам! – булькнул Брион, пропуская слова через насморочный нос.

– Вставайте, Сайрус! – приказал Исайчев, – говорить будем...

Брион отодрал от лица комок из простыни и вопросительно взглянул на Михаила сквозь щёлки заплаканных глаз:

– Вы кто?

– Придуряетесь или вправду забыли? – без тени насмешки спросил Исайчев. – Я следовательно, веду дело об убийстве господина Олега Бурлакова и дело об убийстве Гуидо Скварчалуппи...

Сайрус присел на кровать и удивлённо поднял брови:

– Вы хотите сказать, что вы имеете право расследовать убийство итальянского подданного? – и повысил голос до крика, – Вы хотите допрашивать канадского подданного без приглашения консулов и адвокатов? – Брион с силой стукнул кулаком по матрасу, и тот заворчал пружинами. – Как мне надоели дилетанты! Если вы этого не знаете, я могу дать вам урок: допрос иностранного гражданина должен проводиться в отдельном кабинете, оборудованном аппаратурой для видеозаписи хода и результатов допроса, с участием квалифицированного переводчика. Следовательно необходимо точно определить предмет допроса, проанализировать обстоятельства, относящиеся к личности допрашиваемого, при необходимости перевести отдельные документы на понятный ему язык. Эти прописные истины вам не известны?

Исайчев сел в кресло, положил ногу на ногу и не спеша, с удовольствием в голосе осведомился:

– А знает ли господин Брион, что в целом иностранные граждане на территории РФ пользуются в уголовном судопроизводстве процессуальными правами наравне с её гражданами и подлежат уголовной ответственности на общих основаниях с ними. В то же время правовое положение иностранцев несколько отличается от правового статуса россиян. Иностранные граждане, например, не могут самовольно изменить место жительства. – Михаил нарисовал в воздухе указательным пальцем знак вопроса. – Они обязаны соблюдать официально установленный порядок регистрации,

передвижения и выбора места жительства в стране пребывания. Покажите-ка мне бумаженцию с вашей регистрацией на территории города Сартова, господин хороший...

Сайрус возмущённо раздул ноздри.

– Город Сартов, – продолжал Михаил, – имеет особый статус в реестре городов России, как город оборонной промышленности, и у меня появилось огромное желание сдать вас сотрудникам Федеральной службы безопасности для выяснения, не шпион ли вы?

– Нет! Не надо! – заревел Брион, уткнувшись в комок из простыни. – Спрашивайте...

– Ну, то-то же. Давайте закажем горячего чая, сядем рядом и потолкуем ладком, – миролюбиво предложил Исайчев.

Брион отстранил простыню от лица, задумался, удивлённо глядя на следователя:

– Чай это хорошо, но зачем нам ладок, вы что хотите, чтобы я вам пел?

– Нет, я имел в виду лад не в смысле музыкального термина, а в смысле согласия». Это оборот русской речи.. Помогите мне найти убийцу Гуидо, а убийцу Бурлакова я найду сам.

– Это один и тот же человек! – уверенно заявил Сайрус и, бросив простыню в дальний угол обширной кровати, переместился в кресло, – закажите, пожалуйста, чай, а я пока приму душ. Мне кажется, я не мылся целую вечность...

Чай, который принесли ровно тогда, когда посвежевший Брион выходил из ванной комнаты, был ароматен и горяч.

Как раз такой, который нужен был для долгой беседы. Михаил отхлебнул глоток и с удовольствием почмокал губами, указав глазами Бриону на его чашку.

– Отличный чаёк... с мятой... выпейте... сразу полегчает...

Брион последовал совету и, отпив половину напитка, произнёс:

– Давайте ваши вопросы.

– Скажите, Сайрус, что за бумаги вы взяли из чемодана Олега Бурлакова и спрятали у себя под матрасом?

Брион поперхнулся, закашлялся и, постукивая кулаком по грудной клетке, с трудом спросил:

– Он что, врал? Видеонаблюдение было? На него это не похоже...

– Нет, не врал. Видеонаблюдение было включено на короткое время начальником охраны Усачёвым Иваном Васильевичем, но затем оно было отключено...

– А сейчас?

– А сейчас опять включено по моему приказу.

– Какое время работала аппаратура в первое включение?

Есть запись?

– Сайрус, давайте договоримся, что вопросы здесь буду задавать я. Но всё же поясню – момента убийства вашего друга нет на записи.

– Вы считаете меня идиотом? И ему было бы понятно, что убийства на записи нет. Иначе вы были бы уже в другом ме-

сте и мы все тоже...

– Вернёмся к моему вопросу. Покажите мне эти бумаги.

Брион допил остатки чая в чашке, встал, подошёл к кровати и извлёк из-под матраса конверт. Вернувшись на место, протянул его Исайчеву:

– Я не думаю, что эта бумага прольёт хоть какой-то свет на произошедшие здесь события. Она, конечно, будет для всех большим сюрпризом, но не более... Знаете, что мне сказал Бурлаков, когда мы собирались идти пить кофе? Он сказал: «Сайрус, сегодня вечером я преподнесу вам всем сюрприз. Мои распоряжения, зафиксированные на бумаге, в этом конверте не всем понравятся, но мне, признаться, плевать. Я не хочу дожить до последней черты той жизнью, которой живу сейчас. Не хочу, чтобы после смерти меня положили на стол в парадной зале, полюбовались бы мною напомаженным в полированном гробу и со вздохом облегчения присыпали земелькой. А после нажрались в мою честь сладкой рисовой кашей и, злобясь друг на друга во время делёжки наследства, забыли. Я хочу помереть в океане и быть кормом для рыб... Странно... но это моё. Посему, Сайрус, в вашу обязанность войдёт право до последней точки выполнить мои распоряжения».

Михаил вскрыл конверт и, развернув вдвое сложенный лист, прочёл вслух:

– «Распоряжение. Я, Бурлаков Олег Олегович, в присутствии нотариуса Крыловой Надежды Константиновны и вра-

ча психиатра Гончаровой Людмилы Владимировны, в здравом уме и твёрдой памяти отдаю следующие распоряжения...» – Михаил прервал громкое чтение и дальше читал, пробегая глазами по страницам. В конце документа вновь прочитал вслух. – «В случае моей внезапной смерти прошу данный документ считать завещанием».

Брион с явным удовольствием надкусил шоколадную конфету, поданную к чаю, и сквозь чмоканье произнёс:

– Видите, сюрпризов много. И первый сюрприз господин Бурлаков преподнёс своей любимой сестричке, когда она, как всегда без стука, вошла в апартаменты Олега Олеговича якобы для того, чтобы помочь ему разобрать чемоданы. Я подозреваю, что главной её задачей было, у вас у русских это звучит так – прошнырить. Но не вышло. Олег сказал: «Не надо, мы сегодня же ночью улетаем, а вы завтра поедете поездом». На круглой Эльзе появились квадратные глаза. Всегда было так – после любого совещания, где бы оно ни было, Эльза уезжала вместе с Олегом Олеговичем погостить в его поместье под Питером. Навестить племянниц и невестку. Бурлаков редко менял правила.

«Я был прав, – подумал Исайчев, – и он хотел уползти от них, но ему не дали...»

– И всё же, по моему мнению, – Брион с надеждой заглянул в пустую чашку, – в этом распоряжении Бурлакова не было ничего такого, что могло привести здорового человека к мысли совершить двойное убийство. Хотя в нашем случае

присутствующие здесь люди не могут считать себя полностью здоровыми, исключая Усачёва. Этот господин вполне адекватен и если что-то делает, то обдуманно.

– Поясните про остальных. – Михаил приготовился слушать и наблюдать, как Сайрус будет выстраивать свои предположения, не задевая себя самого.

– Давайте закажем ещё по чашечке кофе, – Брион просящее посмотрел на следователя, – никак не могу прийти в себя. Гуидо, дорогой мой мальчик, баловал меня таким кофе... о-ля-ля, – глаза адвоката заволокла слёзная пелена.

Исайчев распорядился, воспользовавшись телефоном, и через короткое время поднос с кофе всплыл в апартаменты Бриона вместе с Романом Васенко.

– Михал Юрич, Сахно прибыл, мы вас ждём.

Михаил резко вскочил и, не замечая растерянного взгляда собеседника, быстрым шагом двинулся в направлении двери. У двери опомнился, обернулся и таким же быстрым шагом пошёл обратно, взяв с подноса чашку кофе, выпил быстрыми глотками:

– Извините, Сайрус, мы продолжим позже... обязательно... мне интересны ваши мысли. Систематизируйте их в моё отсутствие... буду благодарен, а о распоряжении Бурлакова никому ни-ни, сейчас это важно...

Брион элегантно едва заметным кивком выразил своё согласие:

– Это моя работа...

Глава 9

За то время, в течение которого Исайчев не видел Сергея Викторовича Сахно, он почти не изменился: та же немного сутулая спина, характерная для высокого человека, занимающегося сидячей работой, та же лёгкая небритость, та же тщательность в одежде. Сергей Сахно был фигурантом в одном из уголовных дел, которое в своё время расследовал Исайчев вместе со своим коллегой Романом Васенко. Сергей родился глухим. Он был глух, но не нем. Его родители сделали всё, чтобы Сергей не чувствовал себя инвалидом. Умение читать по губам – целое искусство. Мама Сергея разглядела у сына такую способность. Сахно окончил коррекционную школу с медалью, поступил в Сартове в филиал Московского университета путей сообщения на факультет прикладной информатики и его закончил с красным дипломом. Занимается бизнесом, у него своя компьютерная фирма. Он отличный программист. Иногда, не часто, Исайчев прибегает к помощи Сергея, чтобы расшифровать на записях видеонаблюдения разговоры интересующих его людей.

Исайчев протянул Сахно руку для приветствия:

– Серёжа, прости, поднял тебя в такую рань. Пять утра – время крепкого сна, но очень нужна твоя помощь. Информация, которую тебе придётся добыть, строго конфиденциальна.

– Здравствуйте, Михаил! Словосочетание «я глух и нем» в данном случае будет работать в полную меру, не беспокойтесь... Давайте смотреть, что тут у вас?

Михаил вынул из кармана диктофон, протянул его Сахно:

– Серёжа, помимо озвучки разговора комментируй происходящее на экране. Нам не мешает словесное описание событий. Оно поможет Роману написать протокол. Подмечай любую мелочь, я буду помогать. И вот ещё ознакомься...

Михаил показал на дисплее телефона фотографии фигурантов и каждого из них назвал по имени и фамилии. Сергей внимательно взгляделся в лица, кивнул:

– Я запомнил. Можно начинать.

Исайчев включил ноутбук, экран монитора засветился, и на нём появилось изображение.

– Эпизод первый, – начал работу Сахно. – Время на записи одиннадцать часов десять минут.

– То есть через час после смерти Олега Бурлакова, – заметил Михаил.

Сахно вопрошающе посмотрел на Михаила:

– Вы расследуете убийство?

Исайчев кивнул.

– Я продолжаю, – отметил Сахно. – По коридору, в направлении кухни идёт Гуидо Скварчалуппи. Лицо напряженное с мученическим выражением. Парень переживает. Открывается дверь, из своих апартаментов выходит Эльза Леманн. Она движется навстречу Гуидо. Они поравнялись.

У Эльзы гримаса скорби на лице.

Эльза:

– *Гуидо! Гуидо! Как же так, мой мальчик? Кто это мог сделать?*

Гуидо отчаянно машет руками:

– *Нет! Нет! Синьора, Гуидо здесь ни при чём. Гуидо повар. Он кормит людей... Гуидо не травит людей... Синьор помог Гуидо стать человеком... Он обещал, когда Гуидо исполнится двадцать пять лет, подарить ресторан на острове в Адриатическом море... Бедный Гуидо никогда не дожждётся этого часа... Mio Dio, ero infelice!»*

Гуидо рыдает, закрывает лицо руками. Эльза пытается оторвать ладони Гуидо от лица. Ей это удаётся.

Эльза:

– *Мальчик мой, никто из нас не думает, что это сделал ты. Мы все обездолены.*

Гуидо смотрит на кружева манжета блузки Эльзы.

Гуидо:

– *Синьора, вы чем-то испачкали манжет своей блузки. Вам следует переодеться...*

Эльза:

– *Это Усачев облил меня из молочника, когда мы столкнулись с ним в двери кухни. Пустяки! Разве сейчас это важно? Идите, Гуидо, у вас много дел, надо готовить обед...*

Михаил от удивления присвистнул:

– Молодец, фрау Эльза! Беда-бедой, а обед по расписа-

нию...

Сахно продолжает:

– Эльза отходит от повара и движется дальше по коридору. У апартаментов Ирины останавливается, оборачивается, смотрит вслед Гуидо. Но Гуидо никуда не идёт, он стоит на прежнем месте и о чём-то сосредоточенно думает.

Эльза кричит:

– *Гуидо! Я с тобой! Ничего не исправить, надо жить дальше!*

Гуидо не слышит, он в задумчивости. Вздрагивает, видимо от звука открываемой Эльзой двери. Удивлённо смотрит на неё. Эльза в недоумении пожимает плечами, входит в комнату Ирины.

Михаил останавливает запись.

– Что скажешь, Роман?

Роман повторяет жест Эльзы, тоже пожимает плечами:

– Пока ничего... Эльза вошла в апартаменты Ирины. Может быть тут что-то будет. Когда смотрели в первый раз, мне показалось, эти две женщины эмоционально беседовали. Приготовься, Сергей, в этом эпизоде барышни-истерички. Постарайся успеть с переводом. Что касается просмотренного эпизода, я не усмотрел новой информации, кроме того, что увидел живого Гуидо. Хороший был парень... Жаль... Включай «эпизод два».

Михаил сделал брови домиком, так он делал всегда, когда надо было подумать. Усмехнувшись, посмотрел на сослу-

живца. Столько лет его знает, иногда завидует его способности переключаться от рабочих вопросов на бытовые. При этом успевает и там, и там высказаться, не теряя первоначальной нити разговора. У Исайчева так не получается. Они совсем разные: Михаил старается не принимать опрометчивых и поспешных решений, он выдержан и рассудителен, в экстренных ситуациях «берёт паузу» и тщательно обдумывает предстоящие действия. Процесс обдумывания происходит у него без каких-либо усилий – он такой от природы. Роман же не терпит медлительности. Он энергичный, работоспособный, с богатой мимикой, болтун. Задумчивость Михаила иногда раздражает Васенко. Вот и сейчас Михаилу нужна пауза, но увидев вопрошающий взгляд Сергея Сахно, Исайчев нехотя нажал клавишу «воспроизведение».

Сахно приступает к комментариям:

– Эпизод два. Время одиннадцать часов тридцать минут. Эльза входит в апартаменты вдовы Бурлакова. Ирина стоит у окна. Эльза окликает её:

– *Ирка!*

От неожиданности Ирина вздрагивает и резко оборачивается.

Ирина:

– *Это ты?! Заходи.*

Эльза:

– *Ты кого-то ждёшь?*

Ирина:

– Просто задумалась, ты меня испугала...

Эльза:

– Я где-то изваракалась, у тебя есть во что переодеться? Не рассчитывала на долгое пребывание, взяла всего ничего: этот костюм, вечернее платье и комплект для пикника. А ты вроде два чемодана шмотья привезла...

Ирина:

– Олег любил, когда я хорошо одевалась.

Эльза:

– Мне кажется, он вообще не замечал, как ты одета. Не пойму, как ты с такой красотой не смогла завести мужика. Аль ты в постели бревно бревном?

Ирина:

– Ну ты, Эльза, стерва! При любом удобном случае стараешься уколоть, вывести из себя. Только выстрел сейчас холостой. Мне уже много лет наплевать на его отношение ко мне. Меня интересуют только его деньги. Цинично?! Да! А что ты хотела?

Эльза мечтательно:

– Я бы хотела хоть разочек пощипать его за яйца...

Ирина смеётся:

– Поверь мне, они такие же, как у других. Ну, может быть чуть крупнее. Чемоданы в шкафу. Подбери себе что-нибудь...

Эльза извлекает из шкафа чемодан, роется в нём. Достает белую блузку. Свою сворачивает и оставляет в чемодане

Ирины. Эльза что-то говорит, но я не вижу её лица, поворачивается:

— ...*пусть пока у тебя полежит, потом заберу... Мне ещё к Сайрису идти, не хочется со шмотьём.*

Ирина брезгливо:

— *Положи в пакет. Не мешай чистое с грязным. Пакет в ванной.*

Эльза входит в ванную комнату и сразу выходит:

— *Там нет пакетов.*

Ирина раздражённо:

— *Положи на тумбочку. Сама упакую.*

Исайчев вновь нажимает клавишу «пауза»:

— Извините, иначе забуду... Роман, пошли практиканта Мамкина к вдове, пусть изымет блузку Эльзы и передаст её Долженко. Получается, одежда Эльзы осталась у Ирины. Шеф посмотрит эту запись и обязательно задаст вопрос... Поехали дальше...

Сахно продолжает:

— Ирина садится в кресло, опускает голову, я не вижу её лица. Судя по недовольной физиономии Эльзы, то, что говорит Ирина, ей не нравится.

Эльза:

— *Слушай, не гнуси, и без тебя тошно...*

Ирина поднимает голову:

— ...*как мы будем жить дальше? Если он не оставил за-вещания, его шакалы разденут и разуют меня с девчонками.*

Эльза:

– Зубы обломают... Я тебя не брошу... Ты, конечно, в бизнесе ноль. Но я на что? Старых управляющих выгоню. Наберу новых – своих. Не пропадём. Своё я не отдам...

Ирина закипает:

– Почему ты считаешь наше с Олегом имущество своим? Какое ты к этому имеешь отношение? Ты, Эльза, первая разденешь меня до нитки...»

Эльза взмахивает руками:

– Бог ты мой, «наше с Олегом имущество»! Красотка зубы показала! А если я все карты открою, где ты будешь, детка? Ты забыла, что это я подложила тебя под Альку. Ты забыла, что я сделала всё, чтобы он на тебе женился? Помни! Ты и девки твои должны зарубить на носу – вы должны мне по гроб жизни?

Ирина кричит:

– Я не забыла! Ты подложила, ты женила, но ты забыла сделать меня и его счастливым. Мы не жили – мы мучили друг друга! Сколько раз за все эти годы он спал со мной? По пальцам можно пересчитать... Я его любила, я ползти за ним была готова... он швырял меня как котёнка... Говоришь, по гроб? Ну, вот он гроб. Теперь я тебе что-то должна, пиявка? Присосалась, стерва! Уйди отсюда... уй-ди-и-и...

Эльза бьёт Ирину рукой по лицу, кричит:

– Это ты его убила! Ты не смогла сделать так, чтобы он

её забыл... ты его убила... если бы он был с тобой счастлив, всё было бы по-другому...

Эльза подбегает к двери, ногой открывает её, выбегает из комнаты. Ирина хватает с тумбочки блузку Эльзы и в оже-сточении рвёт, сматывает обрывки в клубок, бросает его под кровать.

Ирина кричит:

– Карты ты откроешь, зараза?! Что у тебя на руках? Шестёрки! А у меня джокер»! Я мать его детей!! Это я-то ноль?! Увидите, как я вас всех построю...

– О как! – Исайчев удовлетворённо потёр ладонь о ладонь. – В моём бессознательном, наконец, зарождаются эмоции. Подождём, когда они выйдут на уровень сознания. Как тебе, Роман?

– Ты меня радуешь, шеф. – Роман радостно щёлкнул пальцами. – Если у тебя эмоции выходят на уровень сознания, значит, процесс мышления идёт непрерывно... Хочу тебя предостеречь, эмоция, вышедшая на уровень сознания, контролю не поддаётся... Это я точно знаю. Психологию три раза сдавал.

Исайчев задумался.

– Как ты сказал? Эмоция, вышедшая на уровень сознания, контролю не поддаётся? Лихо! Над этим стоит подумать... Это может многое объяснить.

– Что многое? – пошмыгал лисьим носом Васенко.

– Потом скажу, мысль не совсем оформилась, но уже про-

яснилась. Роман, пожалуйста, проверь, как смотрит за фигурантами Мамкин, и отправь наконец блузку Эльзы эксперту. Мы с Сергеем здесь и без тебя управимся.

– Да-а-а, – заныл Васенко, – как самое интересное, так без меня...

– Идите, капитан, выполняйте приказ! – Исайчев нахмурил брови, но долго держать паузу не смог и, подмигнув, добавил. – Роман, практикант Мамкин зелёный ещё, ты ослабь режим для фигурантов. Выпусти всех на свободу, но в пределах зоны видеонаблюдения. Расцвело. Пусть бегут на зарядку. Понаблюдай за ними по мониторам. Это сейчас важно. Может быть, кто-нибудь себя проявит. Пиши на флешку интересные эпизоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.